

КУЛЬТУРА

Духовное пространство русской Евразии

27 апреля – 10 мая 2018 года № 14 (8094) Издается с 1929 года

Алена Бабенко
сыграла
«Свадьбу»

www.portal-kultura.ru

Общая Победа

9 Мая — главный национальный праздник. Он объединяет людей, вне зависимости от их политических взглядов и эстетических предпочтений.

Сейчас страна готовится к акции «Бессмертный полк», и вместе с портретами павших оживают воспоминания о четырех годах народного мужества и нашей общей славы. Победа не отделена от самой войны: чей-то дед был ранен под Гжатском, чья-то прабабушка эвакуировала детей из Москвы, чей-то отец стоял у станка на одном из танковых заводов. «Бессмертный полк» лишен пафоса, и все реже слышны кричалки о том, что мы «можем повторить». Крайности постепенно сглаживаются, чтобы дать проявиться главному — та война обнажила все лучшее, что есть в нашем народе: отвагу, упорство, силу, готовность жертвовать собой, чувство локтя и любовь к Родине. От Великой Отечественной нам осталась не только личная память, но и художественные шедевры — «Летят журавли» и «Белорусский вокзал», «Жди меня» и «Василий Теркин», «Катюша» и «Смуглянка», песни и стихи, фильмы и музыкальные произведения. Современная культура, отталкиваясь от советского опыта и беря в помощь все западные технические достижения, пытается рассказать о войне на новом языке — без пауз, одной скороговоркой («Танки»). Или же — наоборот — дать авторское видение («Собибор»). Эти опыты ценны хотя бы тем, что позволяют надеяться на то, что новое народное кино о войне и Победе, простое и ясное, честное и трепетное по отношению к павшим, появится уже скоро.

Василий Лановой: «Надо было видеть, как люди поздравляли друг друга в День Победы»

Леонид Агутин: «Если нас загонят в угол, мало никому не покажется»

Артхаус вместо подвига

Весело, весело, встретили войну?..

Ким Дружинин: «Создатель Т-34 был настоящим художником»

4-5

ФОТО: ДОНАТ СОРОКИН/ТАСС

Обрученные Чернобылем

Екатерина САЖНЕВА

«Родной мой дружок» — так начинались сотни писем генерала Николая Тараканова к жене. Он до сих пор хранит их все. Герой Чернобыля и Спитака мало похож на сентиментального пенсионера: он видел смерть близко, не спал сутками, дерзил высокому начальству и не боялся ничего. Только о Зое Орешкиной, жене и спутнице, которая чудом спасла его от смерти, Николай Дмитриевич говорит с теплотой и болью. Она ушла, а он, облученный во время спасательных работ на четвертом реакторе Чернобыльской АЭС, остался один. Два года назад «Культура» рассказывала о том, как Тараканов спас жизнь сотням тысяч людей, но за спиной каждого великого мужчины обязательно стоит женщина, и сегодня речь пойдет именно о ней.

10

ФОТО: ИГОРЬ КОСТАНИГА/НОВОСТИ

Владимир Путин: «Ленком» не зря называют легендарным»

ФОТО: МИХАИЛ МЕТЦЕЛЬ/ТАСС

В преддверии Первого мая в Кремле чествовали новых лауреатов звания «Герой Труда Российской Федерации».

На сей раз награды из рук президента Владимира Путина получили художественный руководитель театра «Ленком» Марк Захаров, гендиректор «Тулешинского завода» Евгений Дронов, главный тренер волейбольного клуба «Уралочка» Николай Карпиль, проходчик шахты «Талдинская-Западная - 2» Александр Куличенко, профессор РНИМУ имени Пирогова Галина Савельева. «Вы открываете новые горизонты, подаете пример профессионализма, увлеченности для своих коллег, для всех тех, кто стремится внести частичку своего личного успеха в общий успех страны. У всех вас свой особый путь к профессиональным вы-

там, но при этом, думаю, есть нечто общее. Каждый из вас знает, что действительно успешным, а по большому счету и счастливым может быть только тот, кто искренне любит свое дело, кто никогда не успокаивается на достигнутом, раз за разом ставит перед собой новые и еще более масштабные задачи», — отметил президент.

Вручая награду художественному руководителю «Ленкома», президент подчеркнул: «Его театральный, актерский, режиссерский талант притягивает к себе миллионы сердец, а «Ленком», главное детище Марка Анатольевича, не зря называют не иначе как легендарным. Уже много десятилетий он — одна из самых ярких звезд на небосводе культурной жизни не только столицы, но и всей нашей страны. «Ленком» — это всегда поиск и искренность, вдохновение и новаторство, и зритель всегда отвечает любовью и благодарностью».

Сергей Алимов: «Нам удалось очеловечить Бонифация»

25 апреля — юбилей легендарного мультипликатора, академика РАХ и народного художника России Сергея Алимова. У мастера счастливая творческая судьба. Он автор не только известных мультфильмов, в том числе знаменитых «Каникул Бонифация», созданных вместе с режиссером Федором Хитруком, но и прекрасных иллюстраций к произведениям Булгакова, Гоголя и Салтыкова-Щедрина. К нынешней дате приурочены две выставки: экспозиция в Российской государственной детской библиотеке и проект в рамках Международного художественного салона ЦДХ-2018 «Снова вместе». «Культура» встретила с мэтром.

культура: В ЦДХ Вы показываете серии, посвященные «Мертвым душам» и «Мастеру и Маргарите». Как они появились?

Алимов: Работал над Булгаковым давно, причем изначально собирался делать мультфильм. Кстати, задумывался и об анимационном воплощении «Носа» Гоголя: Геннадий Шпаликов должен был писать сценарий. Однако идею осуществить не удалось — нам сказали, что «Союзмультфильм» ориентирован на детское кино. «Мастера и Маргариту» также встретили без энтузиазма.

6

П. ТРАВЕС - ДЖИ ПОПЛИНС ОТПРАВЛЯЕТ ДВЕРЬ. 1996

Чисто, авторитетно
Может, лучше без майдана?
Бесправные мира сего
Своя хрущевка ближе к телу

«Авторское право»

7

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ:
«Конкурс
«Автора — на сцену!»
задуман
как долгосрочный»

ФОТО: МИХАИЛ МЕТЦЕЛЬ/ТАСС

2

ДЖОН СЭВДЖ:
«Поворотным
пунктом в моей
судьбе стала
встреча с Милошем
Форманом»

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ШАРВУЛИТИ/ТАСС

3

**АЗБУКА
КЛАССИКА**
«Зверев-GALA»
в Москве

6

16 плюс

ISSN 1562-0379

9 771562 037001

180 14

Сергей Женовач:

«Главное, чтобы театр был художественным»

Виктория ПЕШКОВА

Сбор труппы МХТ им. Чехова, на котором Сергей Женовач был представлен в качестве нового хурука, наглядно продемонстрировал, что театр может быть искусством высокой дипломатии.

Сближения бывают не только странными. Порой они выстраиваются в четкую закономерность. К моменту назначения на должность художественного руководителя театра, созданного Станиславским и Немировичем-Данченко, у Олега Ефремова за плечами был выращенный, выстраданный и взлелеянный «Современник», у Олега Табакова — «Табакерка», у Сергея Женовача — «Студия театрального искусства». Каждый из этих коллективов создавался в ответ на вызов времени, представляя собой нечто большее, чем выражение творческой энергии своего создателя.

Волевым решением вышестоящей инстанции относительно нового руководства МХТ всякий раз приводило труппу в волнение: иллюзия возможности единодушно выбрать вожаком кого-то из своих ради сохранения привычного, удобного, все собою покрывающего status quo слишком слабка, чтобы с нею безболезненно расстаться. Сила волнения, как и его природа, разумеется, была разной — под стать царившей на дворе эпохе. Ефремову достался театр, измученный пятнадцатью годами «коллегиального управления», закончившегося в итоге расколом труппы. Коалектив, куда пришел Табаков, был искорежен глубоким творческим кризисом, чьи пагубные последствия усиливались социальными проблемами, которые на излете «святыих» 90-х накрыли всю страну.

Олег Павлович, обладавший явным управленческим талантом, с ситуацией справился. Однако утверждать, что в границах вверенного ему королевства все ладно, было бы несколько опрометчиво. Время от времени МХТ оказывается в эпицентре скандалов. Достаточно вспомнить свиную голову, водруженную на ступени парадного входа по случаю постановки «Идеального мужа», или совсем

уж недавнюю историю с билетными перекупщиками. Есть проблемы и сугубо внутренние, не являющиеся достоянием гласности, но от этого не менее острые, в частности — актерский цех, где число приглашенных артистов впопыха сопоставимо с основной труппой.

Месяц назад, на совещании в Министерстве культуры, где решалась судьба двух незаурядных театров, Женовач высказался лаконично и очень сдержанно, подчеркнув необходимость «быть внимательным и осторожным». Ожидалось, что на сборе труппы от него последует более развернутое заявление. Однако режиссер оказался почти столь же краток: он намерен «служить этому святому месту», ничего не ломая, но развивая. Отдавая должное своему предшественнику — «великому артисту и удивительному человеку», которого «невозможно повторить», он призвал коллег «не бояться новых поворотов», ведь

«главное, чтобы это было живое интересное место, опирающееся на идеи Художественного театра». Такую перспективу труппа встретила аплодисментами.

Выступление длилось чуть более трех минут. Поздравительный спич Владимира Машкова был куда более обширен. По его завершении труппа потекла из зала в недра родного театра, как можно вежливее уклоняясь от жаждущих хоть какой-то определенности журналистов. На вопрос «Что вы ожидаете от нового руководства?» звучал вполне ожидаемый ответ: «Конечно же, интересных ролей!» Оставалось надеяться, что хотя бы на брифинге откроют завесу тайны над будущим одного из ведущих театров страны.

Прояснилось, однако, немного. Нынешний директор Юрий Кравец сохранил за собой свой пост. Все постановки, работа над которыми была начата при Табакове, будут доведены до конца. В театр приглашены верные соратники Женовача — Александр Боровский и Дамир Исмагилов. И, наконец, «Студия театрального искусства» не вливается в МХТ, а становится филиалом. По всей видимости, речь идет только о юридической стороне вопроса. Творчески это будут разные театры. Для Женовача его студия — территория собственного режиссерского поиска в компании

стопроцентных единомышленников — людей, имеющих с ним одну группу крови. Для поддержания своего детища в статусе репертуарного театра Женовачу, по всей видимости, придется активнее привлекать выращенную им режиссерскую когорту.

Судьба «Табакерки» пока неясна. Возглавивший ее Владимир Машков не мог скрыть волнения: «Олег Павлович так любил оба театра, что старался, чтобы они сотрудничали. Теперь мы должны понять: это будет сотрудничество, товарищество, дружба, антреприза?» Однако никаких ответных реплик от главы «метрополии» не последовало.

На все остальные вопросы Сергей Васильевич отвечал с искусством опытного дипломата. Буква «А», по его мнению, из названия театра никуда на самом деле и не исчезала: в русском алфавите буква Х читается как «ха». А что касается «академичности», так ведь «ее каждый понимает по-своему — главное, чтобы театр был художественным». Есть ли у него новая концепция? Нет, он разделит ту, что заложена Константином Сергеевичем и Владимиром Ивановичем. Ожидается ли «чистка» репертуара? «Спектаклей много, они разные, но репертуар — это судьбы людей, поэтому здесь нельзя спешить». Как скоро определится с планами? «У нас есть возможность развиваться эволюционно, идей много, но я должен разговаривать с людьми». Кого из режиссеров намерен пригласить? «И молодых, и режиссеров с именами — нынешнее поколение 40-летних очень интересное, думающее; озвучить фамилии не готов, но переговоры уже идут».

Осторожность новоспеченного хурука понятна. И дело не только в том, что театр, которым он до сего времени руководил, — авторский, а МХТ славят портом, привлекающим самые разные флаги. Нынешний МХТ, невзирая на смену вех, времен и нравов, несет в глубине своей то, что было заложено еще Олегом Ефремовым. Табаков, даже перестраивая театр под новые условия, разделял взгляды учителя и друга. Женовач — наследник Петра Фоменко, а это принципиально другая мирообразующая система, можно сказать, иной геном. Приживется ли он в организме, много лет существовавшем по иным законам? Вряд ли сегодня кто-нибудь рискнет однозначно ответить на этот вопрос. Но не зря же дипломаты называют искусство возможным.

Юрий Поляков:

«Конкурс «Автора — на сцену!» задуман как долгосрочный»

Августин СЕВЕРИН

Имена театральные актеров и режиссеров на слуху, но ни одна постановка — от рядовой до самой значительной — невозможна без драматурга. Авторы пьес сегодня остаются в тени, о них вспоминают не так часто. Исправить ситуацию призван Международный творческий конкурс «Автора — на сцену!». О проблемах и надеждах цеха корреспонденту «Культуры» рассказал председатель жюри писатель Юрий Поляков.

культура: Что такое «Автора — на сцену!»? Что Вы ожидаете от конкурса?
Поляков: «Автора — на сцену!» — совместный проект недавно созданной Гильдии драматургов и ООО «Театральный агент». У нас, к сожалению, дефицит общедоступной современной драматургии: экспериментальных пьес много, но они в репертуаре не задерживаются. Ставят их, как правило, на малой сцене или вообще ограничиваются читкой. Получился порочный круг: в театрах говорят, что нет нормальной современной пьесы, которую можно было бы удержать в репертуаре, а авторы не пишут, так как их произведения не нужны режиссерам.

В жюри нашего конкурса вошли известные драматурги: Александр Пудин, Юрий Бутунин, Владимир Малагин и другие. Мы выберем десять пьес современных авторов, среди которых могут быть и произведения, написанные на языках народов России. Начало конкурса было объявлено в день рождения Горького, одного из крупнейших русских драматургов XX века. Имена победителей опубликуем в декабре, в разгар театрального сезона. Лучшие пьесы будут напечатаны в альманахе «Драматургия и театр». Десять региональных театров, которым по итогам конкурса будет предоставлено право первой постановки пьес победителей, получат от «Театрального агента» по полмиллиона рублей.

культура: Произведения победителей не будут ставиться в театрах Москвы и Санкт-Петербурга. Почему было принято такое решение?

Поляков: Для обеих наших столиц 500 тысяч рублей — деньги небольшие, а для губернского театра — приличная сумма. Я знаком с ситуацией: в Москве и Петербурге на современную драматургию выделяется достаточно средств, это и федеральные деньги, и финансирование со стороны департаментов культуры обоих городов. А вот в регионах с этим сложнее. Поэтому мы предлагаем, что работы на конкурс будут присылаться писателем и театром совместно. Если нет — мы поможем драматургу с подбором площадки. В этом плане «Автора — на сцену!» отличается от значительного числа конкурсов, по результатам которых выбираются два-три лучших произведения, победители получают дипломы и остаются со своими текстами наедине. Десять пьес, которые будут поставлены при поддержке ООО «Театральный агент», — это серьезный вклад в развитие современной драматургии.

культура: Конкурс — единовременная акция?
Поляков: Нет, мы задумываем его как долгосрочный проект. Правда, сейчас пока нельзя сказать, сохранится ли он в том же формате.
культура: Чествование победителей совпадает по

ФОТО: PHOTOPRESS

времени с первой годовщиной Гильдии. Есть цели, которых Вы хотели бы добиться к этому моменту?

Поляков: Думаю, об этом говорить пока рано: в конце года мы провели учредительный съезд и сейчас только получили регистрационные документы. Как ни странно, у нас есть объединения театральных критиков, сценаристов и так далее, а организации драматургов не было. Напомню, что в Советском Союзе в Московской писательской организации было творческое сообщество, в которое входило около 300 человек. Возглавлял ее сначала Алексей Арбузов, потом Михаил Шатров. А секретарем парторганизации, которая насчитывала около сотни человек, был Валентин Азерников, автор сценария фильма «По семейным обстоятельствам». Драматургические объединения были во всех крупных писательских артелях. Они решали и творческие, и бытовые вопросы. Правовых при советской власти перед нами не стояло, так как в те годы надувать драматургов было некому. Сейчас ситуация изменилась, поэтому мы и назвали свое объединение Гильдией. Главное сегодня — решение профессиональных вопросов. Это и защита авторских прав, и проблемы распространения, и контакты с театрами, в которых, к сожалению, очень слабо разбираются в современной драматургии. В наших планах — проведение совещания завлитов театров: именно они должны определять репертуар. Сейчас мы имеем театры художественных руководителей, которые в большинстве своем не знают и не читают со-

временных отечественных пьес. Вся надежда на завлитов, хотя они, как правило, не влияют на репертуар.

культура: В чем суть сотрудничества с обществом «Театральный агент»?

Поляков: Во-первых, именно с его помощью мы и будем защищать права сценаристов. Наша общая работа направлена на то, чтобы драматурги могли быть спокойны: авторские отчисления до них дойдут, не затерявшись где-то. Сейчас при заключении прямого договора с театром многие сталкиваются с разными неприятностями.

культура: Одна из них — очень вольная интерпретация их произведений режиссерами?

Поляков: Да, и это как раз вопрос взаимоотношения драматурга с театром: отдавая пьесу, он заключает определенный договор. Конечно, бывают такие интерпретации, что от авторского замысла практически ничего не остается. Мои коллеги в театре не так востребованы, как это было в XIX или даже в XX веке, когда зритель шел на Островского, на Булгакова, на Розова. Только в 70-е, 80-е годы на первый план вышел режиссер как интерпретатор. И слабость нашего современного театра в том, что в нем стало слишком мало литературы и много эффектов. А ведь театр — это прежде всего слово, которое говорится со сцены. Возвращение ключевой фигуры драматурга поможет выйти театру из кризиса. Национальный театр, который не отражает происходящего в стране, в обществе и в духовной жизни, а отражает фантазии постановщика — это тупиковое направление развития.

Досье «КУЛЬТУРЫ»

ООО «Театральный агент» привлекло к себе внимание в связи с переходом Российского авторского общества (РАО) на агентскую модель работы. На практике это значит, что связующим звеном между авторами и пользователями будут выступать не сотрудники РАО, инспекторы с фиксированным окладом, а организации, работающие по агентским договорам. Представителем РАО в сфере «больших прав», т.е. при использовании драматических и музыкально-драматических произведений, входящих в реестр общества, было выбрано ООО «Театральный агент».

Сегодня оно успешно сотрудничает с пользователями и правообладателями на территории всех стран мира, помогает в предоставлении им разрешения на публичное исполнение произведений, договаривается о взаимном представительстве интересов между РАО и зарубежными авторско-правовыми обществами, контролирует исполнение пользователями обязательств по заключенным договорам, занимается сбором авторского вознаграждения, в том числе задолженности по его выплате. Уже сейчас можно говорить о первых результатах — задолженность театров по выплате вознаграждения авторам за использование их произведений сократилась более чем в пять раз.

При этом агентство не ограничивается финансовой стороной взаимодействия между авторами и пользователями, одна из важнейших целей его работы — возвращение на сцену лучших традиций российской драматургии. Именно этому должно послужить проведение Международного творческого конкурса на лучшую пьесу года «Автора — на сцену!», организаторами которого совместно являются ООО «Театральный агент» и Гильдия драматургов. Конкурсную работу можно направить по почтовому адресу: 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 18, стр. 1, оф. 206-213 (Региональная общественная организация «Гильдия драматургов») и по электронной почте konkursdrama@gmail.com.

ФОТО: ДМИТРИЙ ПОСЕРБИНСКИЙ/ТАСС

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Барани

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редактор: Михаил Бударагин

Руководитель направления «Литература и искусство»: Ксения Позднякова

Ответственный секретарь: Александр Курганов
Дизайнер: Наталья Вайнштейн

Адрес редакции: 127055, Москва, ул. Новослободская, д. 73, стр. 1
Телефоны для справок: +7 (495) 662-7222

e-mail: info@portal-kultura.ru
Печать и распространение: +7 (495) 602-5512

Газета распространяется в России (включая Республику Крым и Севастополь), Азербайджане, Беларуси, Грузии, Таджикистане
Общий тираж 40 155

Отпечатано в ЗАО «ПК «ЭКСТРА М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, г. Красногорск, а/д «Балтия», 23 км, вл. 1, д. 1. Заказ № 18-04-00366
Подписано в печать 26 апреля 2018 г., по графику: 14.45, фактически: 14.30

Праздник неполиткорректности

Егор ХОЛМОГОРОВ

Документальное кино традиционно имеет для ММКФ огромное значение. Неудивительно, что и в конкурсном показе, и в обширной внеконкурсной программе «Свободная мысль» было представлено немало сильных работ.

Безусловный фаворит фестиваля — фильм «Genesis 2.0» Кристиана Фрая и Максима Арбугаева. На Новосибирских островах охотники за мамонтовой костью находят великолепно сохранившуюся тушу мамонтика. Возможно, ученым удастся обнаружить оставшиеся в анабиозе живые клетки, и тогда можно будет найти для него маму-слониху. Поэтому директор Музея мамонта Семен Григорьев отправляется к светилам южнокорейской и китайской генетики, чтобы найти способ повернуть историю вспять.

Под эпическую музыку Макса Рихтера и Эдуарда Артемьева контрапунктом идут кадры двух ни в чем не похожих вселенных, снятые Арбугаевым, — жизнь и работа современных охотников на мамонтов на Крайнем Севере. Это честное, суровое, мужское кино и картины высокотехнологичного мира современной генетики. «Падший ангел» науки о клонировании, Хван У Сок, несколько лет назад публично опозоренный как фальсификатор (заслуженно ли?), загорается идеей помочь вернуть в наш мир древнее существо и едет вместе с Григорьевым в Китай, в крупнейшую корпорацию, собирающую образцы геномов всего живого. «Бог несовершенен, мы должны помочь Ему стать совершенным», — рассуждает глава компании, зарабатывающей в то же время на изменении человека: с помощью технологий можно в утробе распознать синдром Дауна и, как деликатно сказано, «предотвратить» рождение больного ребенка.

Начинаешь ловить себя на мысли, что в этом символическом соревновании оброщенных щетиной охотников, везущих на вездеходах полузгнившие кости древних гигантов, и заворачивающих лабораторий, где собраны сотни секвенаторов ДНК, ты болейешь за первых. Они с риском берут у мира то, что он оставил нам в наследство, а не пытаются «улучшить» Бога, принося в жертву тысячи Его не рожденных детей.

Другой фильм, тоже связанный с корейской темой, — «Старый морпех» Чин Моёнга (по-английски фильм называется затейливее: «Old marine boy», отсылая к шедеврам Пак Чхан Ука).

Пак Менго 20 лет отслужил в северокорейской армии боевым ныряльщиком, он смотрел тайком южнокорейское ТВ, думал и однажды собрал всю семью и уплыл на лодке к «проклятым капиталистам». Он не рассказывает особых ужасов о КНДР, относится к ней, скорее, с юмором, но устал от нищеты и не видел будущего для своих детей.

В маленьком приморском городке он занялся единственным, что умеет в жизни, — стал ныряльщиком. Морские ежи, каракатицы, осьминоги и игра со смертью: декомпрессия, разрывы троса, шланга с воздухом, печени... Профессия с высочайшей смертностью. «Ныряльщик добывает на том свете, а трогать на этом». Лучшее, что может случиться с ним, — погибнет в море, и тогда жена получит страховку.

Южнокорейское общество любит северян только пока они нищие беженцы, согласные на любую работу. К тем, кто поднимается, как Пак, отношение ревниво-враждебное.

Герой скучает по покинутой малой родине, но в скорое объединение нации не верит, а потому просит после смерти закопать его прямо здесь, не тратя на похороны больше 50 долларов, в скафандре вместо гроба. Человек труда («устал не иметь ничего своего, потому и уплыл»), опора семьи — на таких мужчинах держится мир.

Однако настоящей сенсацией документальной программы фестиваля стал внеконкурсный фильм «Ни судья, ни подсудимая» — неполиткорректное, злое, сатирическое, правдивое кино.

Создатели популярного бельгийского сериала много лет снимали работу брюссельского следователя Анн Грювэз — эlegantной, эксцентричной, цинично-остроумной женщины, работа которой состоит в том, чтобы докапываться до истины и подшивать ее к делу.

В основе сюжета — детективная история о расследовании убийств проституток, совершенных двадцать лет назад. Анализ ДНК, экстазации, опросы выживших из ума свидетелей, под занавес даже планируется объявление войны США, чтобы добыть биологические образцы. Все это украшено фирменным профессиональным юмором: «Для меня Брюссель — это перепись трупов»; «— Выловили в канале самоубийцу. — Свези же! — Очень несвежий, весь в кривых»; «Вы должны сообщить мне данные, чтобы я могла сломать вам жизнь».

Но, в сущности, фильм — бескомпромиссный памфлет в защиту европейской идентичности. Все без исключения обвиняемые, проходящие на наших глазах через кабинет Анн, — мигранты. И всякий, кто гулял хоть раз по центру столицы Евросоюза, понимает, что это не тенденциозная подборка.

Один отбивал агрессивные сообщения подруге («Домогательства. Угрозы. Для албанца — ничего особенного»). Второй грабил прохожих («Я подсчитала, сколько будет стоить ваше содержание в тюрьме, лучше вам умереть сразу»). Третий отнимал деньги у пользователей банкоматов, а теперь жалуется, что потерял память из-за марихуаны («Говорите правду, мой гнев страшнее гнева Аллаха, мой не после смерти, а немедля»). Четвертый на мотоцикле срывал сумки, а теперь грозит уехать в Сирию к джихадистам, если его посадят. У молодой женщины с шизофренией муж ушел туда отправился, а она решила, что ее восьмилетний ребенок — демон, и убила его, потому что так ей сказали, явившись во сне, пророк Мухаммед и Иисус («Иисус-то тут причём?»).

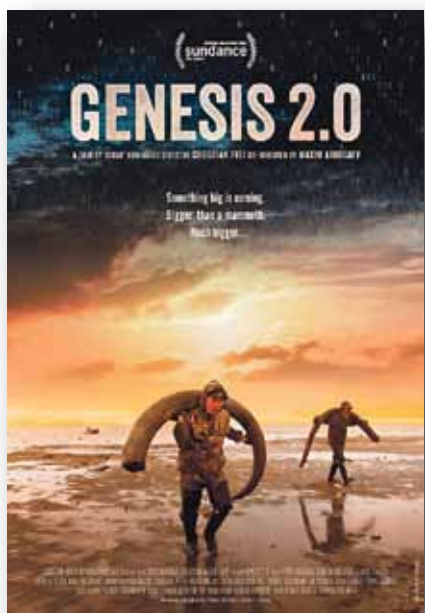
Грювэз говорит с этими людьми безо всякой снисходительности и политкорректности, жестко, насмешливо, чуть менторски, регулярно проводя «ликбез». Объясняет турецкой семье, в которой один инвалид на социальном, что если братьям все время жениться на сестрах, а дядям — на племянницах, дети будут рождаться больными.

Анн, с ее безупречными кофточками, для создателей фильма — сама воплощенная Европа, какой она должна была бы быть. Смысловый центр ленты — жесткий диалог с молодым турком, который избивал мать своего ребенка за то, что она давала читать сообщения на своем телефоне и не говорила, с кем встречается. Преступник ссылается на «особенную турецкую культуру и ментальность», позволяющую тиранить женщину. Но он родился в Бельгии и по гражданству бельгийца. И что это за несмысленная бельгийско-турецкая культура? «Ваши ссылки на «культуру» — это обыкновенный расизм», — раздраженно бросает ему она.

Героиня отважно сражается за то, чтобы Европа не превратилась в собрание восточных гетто, однако ее бой кажется почти безнадежным. Анн — уходящая натура, а те, кто придет на смену, возможно, сами вырастут в гетто и будут «понимать» менталитет преступников.

Поначалу «Ни судья, ни подсудимая» вызывает недоверие. Неужели перед нами не актеры, говорящие заученные реплики? Но нет — на фильм даже подали в суд одна из подсудимых, признавая, что согласилась, чтобы ее снимали, но возражая против коммерческого проката — эпизод вырезали. Европейская пресса встретила киноленту холодно — ее достоинства признают, но смеяют акцент: она якобы вскрывает темную сторону жизни госслужащих, их неполиткорректность и предрассудки. Анн Грювэз все-таки хотят сделать «подсудимой». Значит, задело за живое.

ММКФ бьет в цель: именно таким и следует быть нашему фестивалю — собирать все самое острое, смелое, а стало быть, и подлинное, что есть сейчас в мировом кино.

Члены жюри основного конкурса ММКФ режиссер Лян Цяо, продюсер Паоло Дель Брокко, актер Джон Сэвэдж, режиссер Анна Меликян и актриса Настасья Кински

Джон Сэвэдж: «Поворотным пунктом в моей судьбе стала встреча с Милошем Форманом»

Алексей КОЛЕНСКИЙ

26 апреля подвел итоги 40-й Московский международный кинофестиваль. Одна из самых заметных фигур в жюри — актер Джон Сэвэдж. Современному зрителю он знаком по роли тренера американской баскетбольной сборной в «Движении вверх», а поклонникам киноклассики — по «Волосам» Милоша Формана, «Сальвадору» Оливера Стоуна, «Охотнику на оленей» Майкла Чимино и «Возлюбленным Марии» Андрея Кончаловского. Актер поделился о детстве, мыслями об американском пути и мировых проблемах.

— Я рос в самой обычной, очень небогатой нью-йоркской семье. Родители пережили Великую депрессию, после которой, как и все вокруг, осознали: американцы должны построить новую страну. После Второй мировой и корейской войны люди должны были направить энергию в принципиально иное русло, постараться сделать Америку по-настоящему великой державой. И во многом преуспели, но утратили главное: мы перестали жить как одна семья — так, как жили все мои родственники; мама и папа, дядя и тетя постоянно думали о других.

Нам нужно было выстроить отношения между нами и другими нациями, о которых мы мало что знали. Афроамериканцы и латиноамериканцы должны жить лучше, им необходимо помочь — так рассуждали предки. Отец — демобилизованный моряк, ростом под два метра, с огромными ручищами, в общем, «авторитет на районе» — бывало, подзовет какого-нибудь неприкаянного парня с сигареткой и скажет не допускающим возражений тоном: «Эй, пойдём-ка со мной». Он вовлекал в свою орбиту подростков и собственных сверстников, играл с ними в баскетбол, бейсбол, не допускал, чтобы молодая шпана продолжала катиться по наклонной.

Мы старались развивать то, что передали нам родители, боролись за то, чтобы жить в мире, уважать друг друга, совершенствовать индустрию, обмениваться информацией — словом, менять наш образ жизни к лучшему. А получили Вьетнам. Отчего, зачем?

Мой папа бывал в госпиталях и видел ребят, вернувшихся с корейской войны, — юнцов с ампутированными ногами, потухшими глазами. Отец работал страховым агентом, впоследствии выучился на психолога и водил меня, мальчишку, по этим страшным госпиталам. А еще я посещал тренировочные лагеря — складывалось ощущение, что перед нашими рядовыми, сержантами, офицерами стоял не столько вопрос войны, сколько проблема выбора своей судьбы. Зачастую мы делаем не то, что бы нам хотелось, а просто решаем вопросы выживания. А они не всегда укладываются в рамки реальной, настоящей жизни. И Вьетнам показал нам: подобное положение вещей установилось всерьез и надолго.

Еще тинейджером я задавался вопросом: «Что мы делаем там, за океаном?» Политики громкозвучно заявляли: «Чтобы остановить распространение коммунизма!» «В самом деле?» — недоумевал я. «Чтобы защитить вьетнамский народ!» — продолжали они. «От кого, если мы сами пришли туда с оружием в руках?» Мне всегда казалось, что если нашей целью было изменение мира в целом и жизни людей к лучшему (как это декларировалось), то нужно было не насаждать собственное видение этого, а попытаться действовать вместе, в общих интересах. Ведь что могут выбрать люди, если они попросту умирают? Каждый народ заслуживает уважения — игнорирование этой элементарной истины стало главной ошибкой вьетнамской авантюры.

Поворотным пунктом в моей судьбе стала встреча с недавно ушедшим от нас Милошем Форманом, умевшим превратить каждый фильм в гимн свободе. Так было и с его американским дебютом — «Волосы», — где мне довелось сыграть. Но я и раньше восхищался им, Андреем Кончаловским, а позже — Никитой Михалковым и другими кинематографистами восточноевропейского блока.

Восход Милоша к вершинам кино совпал с периодом непростых отношений между Чехословакией и советской Россией, да и холодная война тогда была в самом разгаре... Приехав в Америку, Форман целый год прожил в отеле, практически не покидая его и не имея возможности общаться с людьми, — об этом я узнал много позднее. Милош делал прекрасные фильмы у себя на родине, в Чехословакии, которые во многом отражали положение вещей в этой стране и ее взаимоотношения с другими государ-

ствами. Этот беспокорный и радостный дух он привез в Америку, ему удалось уловить ветер перемен, веявший по миру в шестидесятые. Он словно вернул ее нам — поколению, борющемуся против вьетнамской войны. И я счастлив, что мне довелось перенести это на экран. Выбирая жизненный путь, я не сомневался: верность идеалам и актерской профессии, политическая активность были для меня единым целым. Это было счастливое время, молодежь поверила в свои силы и одолела систему.

Сегодня юные американцы вопрошают огромное количество самоубийств. Казалось бы, в общественной атмосфере витают приятные вибрации, люди подпитываются в целом правильными энергетическими посылами, но при этом на окраинах городов и обочинах дорог прозябают массы обездоленных, лишенных крова бедняков. Хорошую, соответствующую ожиданиям и навыкам работу может найти далеко не каждый, поэтому многие поглядывают в сторону армии, где есть гарантированный кусок хлеба. С новой остротой встает вопрос о разгигании розни — пришла пора наконец научиться понимать друг друга. Возможно, нам следует быть более осторожными, следуй за мной, оглянься по сторонам, призадумайся: есть что-то, что мы лучше сумеем сделать сообща». При отсутствии должного внимания последующие поколения наломают дров.

Энергия молодых должна направляться исключительно во благо. Сбережь дух надежды на будущее — долг всех людей Земли. Мир меняется только благодаря нам, и изменение его к лучшему — личная ответственность каждого. Мы не можем позволить себе потерять контроль над ситуацией, потому что мир сам по себе его постепенно теряет. Шестидесят лет назад повсюду расцвела пацифизм, почему мы не можем вернуться к этому сегодня? «Отчего правительства так сложно договориться друг с другом?» — недоумевают простые американцы. Подобные настроения я уловил и здесь, в России. Сегодня отношения между нашими странами довольно напряженные, однако, несмотря на это, я надеюсь еще поработать с выдающимися российскими режиссерами. Конечно, не раздумывая, принял приглашение на съемки в «Движении вверх» и на Московский кинофестиваль.

Нам и «Карту» в руки

В рамках юбилейного ММКФ Молодежный центр Союза кинематографистов продемонстрировал «Карту региональных проектов», показав лидеров кинопроизводства и проката Якутии, Бурятии, Татарстана, Башкирии, Карелии, Ставропольского и Алтайского краев, Перми, Иркутска, Челябинска, Тюмени, Тольятти, Новосибирска, Воронежа, Архангельска.

Отечественное кино все чаще тяготеет московской пропиской. Кинематографисты идут в народ и буквально приподнимают его над житем-бытием, попутно открывая красоту людей, восстанавливают престиж и привлекательность русской глубинки.

«Мы составили кинорейтинг регионов, в нескольких провели Стратегические сессии с представителями власти. Всем регионам не нужно развиваться по единому шаблону,

потому что они очень разные. У каждого должно быть свое кинематографическое лицо», — подчеркнул ведущий презентации генеральный директор «Роскультпроект» Олег Иванов.

Особенно внушительным оказался рост якутской кинематографии: за минувшие 14 лет местные режиссеры сняли и показали 178 игровых и около ста документальных работ, завоевали 75 наград на международных и отечественных фестивалях. И главное — было реализовано более полутора миллионов билетов на киносеансы своей не столь уж обширной киносети (в начале века функционировало всего четыре площадки, сейчас действует 43 зала, а к 2020 году 111 кинотеатров охватят все население Саха). В ряде регионов уже сейчас прогнозируется не менее стремительный рост: люди голодают рублем, хотя снимать и смотреть кино про себя и свой край.

Итоги презентации будут представлены в выпущенном Союзом кинематографистов сборнике, но главный вектор уже понятен — речь идет о возрождении органической целостности исторического пространства, точкой сборки которой выступил 40-й ММКФ. Верится, недалек день, когда региональные ленты будут конкурировать с зарубежными участниками показа. В этом случае Московский фестиваль станет мастерской по перестройке кинематографии мирового кинопроцесса, рабочей альтернативой глобальной ярмарке тщеславия и аттракционов, в которых увязло «важнейшее из искусств».

Естественно, на передний край борьбы за правду жизни и неравнодушного зрителя все активнее выдвигаются вольные стрелки — документалисты. Теперь они обрели свой виртуальный дом, онлайн-кинотеатр Nonfiction.film.

Алексей КОЛЕНСКИЙ

«Старый морпех»

Василий Лановой:

«Надо было видеть, как люди поздравляли друг друга в День Победы»

Татьяна МЕДВЕДЕВА

Россия готовится отпраздновать 9 Мая. Для Василия Ланового, как и для многих, День Победы — один из главных праздников. Знаменитый артист будет участвовать в шестии «Бессмертного полка», а за несколько дней до этого, 5 мая, выйдет на сцену Государственного Кремлевского дворца, где состоится гала-концерт «Спасибо за верность, потомки!», который соберет лучших российских актеров и певцов — Льва Лещенко, Юрия Антонова, Александра Михайлова, Михаила Ножкина, Евгения Миронова, Леонида Агутин и многих других.

Лановой: 5 мая в Кремлевском дворце собираются приезжающие в Москву из разных уголков России представители «Бессмертного полка». Это замечательное движение охватывает все регионы, связывает людей разных поколений. Мы приготовили для них концерт «Спасибо за верность, потомки!». В нем согласились принять участие многие наши звезды, замечательные актеры

и певцы — прозвучат военные песни и стихи, будет демонстрироваться хроника. Эти концерты мы проводим уже несколько лет, и там всегда очень хорошая атмосфера. Я тоже выйду на сцену. Правда, еще не знаю, что буду читать. Точно исполню песню «От героев былых времен не осталось порой имен...» из фильма «Офицеры». А 9 Мая мы все пойдем «Бессмертным полком».

культура: Ваши родители были участниками Великой Отечественной?
Лановой: В годы войны они работали в Москве на химическом заводе. Вручную разливали противотанковую жидкость. Это, конечно, сказалось на их здоровье. Родители стали инвалидами. Но внесли свой вклад в Великую Победу.

культура: Вы и сами хорошо помните те события. Как получили, что оказались на оккупированной территории?

Лановой: Мои бабушка с дедушкой жили на Украине в селе Стримба под Одессой. Мама отправила меня к ним прямо накануне войны. Утром 22 июня 1941 года, когда мы сходили с поездов, над нами уже летели немецкие самолеты. Было очень страшно. Я помню, как отступали наши войска, и мы оказались на оккупированной территории. Связи с

Москвой не было. Война принесла много горя и страдания. Мама приехала ко мне только через три года, когда наши войска освободили Украину. Конечно, нам, детям войны, пришлось рано повзрослеть.

культура: Самое страшное воспоминание?

Лановой: Помню, как в апреле 1944 года немцы бросились удирать из Одессы в Румынию и двигались через село, где мы жили. Было очень много жестокости, свирепости, разрушений. Они достаточно быстро умчались оттуда. После военных действий очень многое пришлось восстанавливать.

культура: А как встретили Победу?

Лановой: Накануне вечером прошло сообщение о том, что подписано соглашение о полной капитуляции. Мы жили тогда уже в Москве, на улице Машиностроения, это недалеко от ЗИЛа, тогда — завода Сталина. И 9 Мая москвичи пошли на Красную площадь или просто выходили на улицы. Весь город радовался великому событию. Надо было видеть, как люди поздравляли друг друга, плакали, смеялись. Все радовались, что окончена война.

культура: Как удалось выстоять в этой страшной войне и стать победителями?

Лановой: Если мы посмотрим на отечественную историю, то увидим, что нашим предкам много раз приходилось воевать и побеждать. А для этого нужны мужество и воля — такие замечательные качества русского народа, которые были и у наших фронтовиков. За Победу мы заплатили очень дорого: как говорится, за ценой не постоили. Помните, именно так поется в фильме «Белорусский вокзал». Фронтовики ничего не жалели и добились Победы. Это было фантастическое проявление мужества и любви к Родине. Многие мои друзья были гораздо старше, чем я. И мне в этом очень повезло. Они помогли уразуметь в том юном возрасте святыне вещи. Я знал актеров-фронтовиков. Достаточно вспомнить Юрия Васильевича Катина-Ярцева, преподавателя Щукинского училища. Или Жору Юматова, который воевал. Мы вместе сыграли в «Офицерах».

культура: Чему нам сегодня стоит поучиться у старших поколений, чтобы быть достойными памяти Великой Победы?

Лановой: Я актер, а не политик. Хотя и часто высказываюсь на общественные темы. За время, что я участвую в движении «Бессмертный полк», посетил много городов. Встречаюсь с разными людьми. И часто повторяю, как у Пушкина сказано: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно. Не уважать оной — есть постыдное малодушие». Лучше не скажешь.

культура: Вы сейчас вернулись из поездов по регионам. Как проходят Ваши выступления?

Лановой: Было очень много хороших встреч, приходили и военные, и обычные зрители. Радует, что вижу в залах молодежь. Провели концерты с прекрасными артистами. Такие мероприятия идут уже семь лет.

культура: С молодежью общаетесь?

Лановой: Да, очень много. Меня приглашают в военные училища, к кадетам, суворовцам, и там все замечательно происходит.

культура: Вы часто включаете в свои выступления военные стихи. Каких авторов особенно цените?

Лановой: У нас много прекрасных поэтов. Люблю Александра Твардовского. У Давида Самойлова потрясающие военные стихи — «Слово о Богородице и русских солдатках» или «Ближние страны». У Сергея Виктулова есть стихотворение «Возвращения», которое я до сих пор читаю. Очень люблю «Перед атакой» Семена Гудзенко.

Леонид Агутин:

«Если нас загонят в угол, мало никому не покажется»

Денис БОЧАРОВ

Своими соображениями о том, какое место занимает военная тема в сознании соотечественников, «Культура» попросила поделиться участника концерта, заслуженного артиста РФ Леонида Агутина.

культура: «Бессмертный полк» — важная и, главное, современная акция, благодаря которой подвиг отцов и дедов передается из поколения в поколение, а слова «никто не забыт, ничто не забыто» со временем не утрачивают свой сакральный смысл. Какие еще шаги необходимо предпринять, чтобы праздник нашей Великой Победы был актуален и через столетия?

Агутин: Когда я был ребенком, военная тематика была повсюду: фильмы, спектакли, книги, песни... И у меня, признаться, к этому было двойное отношение. С одной стороны, трепетное восприятие праздника 9 Мая я впитал еще до рождения: у меня дед погиб на фронте. С другой — многие произведения, посвященные этой теме, были формальными, на одну генеральную песню приходилось три посредственных. Переизбыток милитаристской риторики привел к тому, что к войне стали относиться так же нейтрально, как, скажем, к коммунистической партии.

ФОТО: ЕВГЕНИЙ ОДИНЦОВ/РИА НОВОСТИ

Сейчас положение дел выглядит лучше, чем на излете советской эпохи, как ни странно. Потому что нет ничего лишнего, нет информационных перекосов и переключений. При этом уважение и преклонение перед великим подвигом нашего народа никуда из сознания людей не улетучилось. Все, кого я знаю, чтут и берегут память об отцах и дедах. В моем окружении нет никого, кто испытывал бы в отношении славных страниц нашего военного прошлого какие-то негативные эмоции.

Конечно, сохранение памяти во многом зависит от культуры. Будут талантливо сделанные, увлекательные и достоверно поданные, бьющие в самое сердце фильмы, публикации, книги, песни и так далее — будет жить и память о героях былых времен.

культура: Само собой. Но если кинематограф продолжает уде-

лять военной теме пристальное внимание, да и литература не обходит ее стороной, то песнями ситуация малоутешительная. Налицо кризис жанра, нет такого ощущения?

Агутин: Верное наблюдение. Но тому есть объяснение. Во-первых, чем больше мы удаляемся от того времени, тем сложнее нам его прочувствовать, а значит, и создать нечто аутентичное и правдоподобное. А во-вторых, и это, пожалуй, важнее будет, если говорить о кризисе, то он касается не только военной песни, но и песни вообще. Жанр умирает. Много ли мы слышим нового хорошего рока, блюза или диско?

Например, мой отец сочиняет замечательные песни в стиле наших ВИА 70-х. Но я, признавая их высокий уровень, тем не менее замечаю: «Папа, этого никто слушать не будет, потому что жанр умер. Если бы эти композиции стали популярными в

70-х, то сейчас, в виде перепоек, они, возможно, и прокатили бы, но новые произведения в этом стиле никому не нужны»...

Песни военных лет слушали не потому, что они о войне, а потому, что в них были прекрасные мелодии и проникновенные слова. Вот почему они были популярными.

Люди, которые этим жили, композиторы и поэты, прошедшие войну, сочиняли предельно искренне, не обращая внимания ни на моду, ни на тренды — и поэтому все у них получалось естественно. Не в последнюю очередь именно здесь кроется причина того, что в советские годы военная песня была самым пронзительным видом музыкального искусства, попадающим прямо в сердце и пробивающим на слезу.

Но прошли годы, и сегодня сочинять с тем же пафосом (пусть и абсолютно натуральным) — как-то неудобно: все-таки ты не воевал, и того, о чем собираешься поведать, не видел. А если попытаешься «освежить» тематику, возможно, получишь символическое, метафоричное, аллегоричное, но при этом циничное. То есть, как ни крути, все немного не то. С другой стороны, так, как писали тогда, сегодня уже нельзя, поскольку в том стиле людям нужны только те самые, залюбленные до слез, песни. Однако, если что-то сделано по-настоящему талантливо, а это всегда видно, то, вне зависимости от

того, на современный лад или в ретроключе, это найдет своего слушателя.

культура: Не замечаете ли Вы, что сегодня военная тема сопровождается несколько вальс-яжной и порой непроизвольно раскляпанной риторикой? Фразы «столкновения не миновать», «третья мировая будет точно» и так далее звучат буднично — словно людям все равно. Возможно, несколько поколений, выросших без войны, настолько привыкли к миру, что не осознают всех ужасов, с которыми столкнулись наши отцы и деды? Нет ли здесь опасности?

Агутин: К сожалению, это неизбежно. Повторю: чем дальше мы от тех событий в исторической ретроспективе, тем меньше переживаний они в нас вызывают. Как, например, вы относитесь к битве на Куликовом поле, есть у вас к ней какое-то особое, эмоциональное отношение? Нет — ведь это было очень давно.

Но вот что скажу. Я знаю наших людей, сам служил, бывал в сложных ситуациях. И не дай Бог сейчас что начнется, наши молодые мужчины и женщины проявят себя точно так же, как во время Великой Отечественной. Если нас загонят в угол, мало никому не покажется. Мы не очень умеем креативно, красиво упаковывать что-либо, делать деньги из воздуха, нам не очень удается заниматься бизнесом... У нас вообще не очень получается хорошо жить, но воевать и выживать мы умеем еще как.

Артхаус вместо подвига

Егор ХОЛМОГОВ

На экранах — «Собибор» Константина Хабенского, фильм, который мог бы стать шедевром, но обречен на судьбу любой эстетской штучки — недолгое внимание и скорое забвение.

Обершарфюрер Хельм входит в швейную мастерскую, где для него заготовлен великолепный редингот из черной кожи, прибывший прямо из Парижа. Нацист — страстный фотолюбитель, он снимает все: охранников, заключенных, пытки, награбленные украшения, обещая после войны устроить выставку. Палач не может удержаться от фотосессии в новой кожанке, при виде которой, как ему кажется, обершарфюрер Бекман умрет от зависти. Мы смотрим на нацистского модника через видеоискатель аппарата, но тут ему точным ударом раскалывает голову Саша Шубаев, по прозвищу Калимали, русский военнопленный.

Последняя секунда Хельма, несомненно, войдет в историю кинематографа как красивый ход, которому позавидует сам Тарантино. Только добираться до этого эпизода приходится через полтора часа артхауса без внятной политической, гражданской и нравственной идеи.

Массовый побег узников Собибора 14 октября 1943 года вошел в историю Второй мировой как единственное удавшееся восстание в гитлеровских концлагерях. Поднявший бунт лейтенант Красной армии ростовчанин Александр Печерский навсегда останется в памяти как человек, сделавший невозможное, а после — сумевший рассказать о трагедии и подвиге Собибора.

На месте лагеря смерти сейчас создается мемориал. Польша, чьи «патриоты» прямо виновны в гибели большей части беглецов, намеренно «забывает» о России, делая вид, что никакого Печерского не было вовсе. И фильм «Собибор» мог бы стать чрезвычайно важным напоминанием о том, кто именно боролся с нацизмом, а кто помогал палачам.

Но, увы, именно как героическое кино фильм Константина Хабенского совершенно не удался. Здесь ни разу не звучит слово «русский», один раз произносятся «советский» (в связи с якобы приближающейся «советской армией»). Какое впечатление произведет на фестивальную публику, на которую фильм рассчитан прежде всего, обильное употребление оскорбительных эпитетов и эпитетов в адрес евреев, причем не только нацистами, но и нашим героическим солдатом, остается только гадать.

Печерский сыгран Хабенским слабым, вечно сомневающимся — не освободителем и не героем. Его зачем-то унижают нелепой сценой катания на себе эсэсовцев и глупыми фразами типа: «Я решил побить лошадей». Фильм лопается от такого рода артхаусных экспериментов. Видно, что на его создателей сильно повлиял «Ночной портье», где концлагерь был изображен как пространство садомазохистских сексуальных отношений между эсэсовцами и заключенными. Порки, поцелуи, изнасилования, монолог начальника лагеря Френцля о брошенной его подруге-еврейке — все это из совсем другого кино. По двору проходит огромная стая гусей, к чему они в фильме — неясно, если вы не читали рассказа узников о том, что птицы заглушали крики, доносившиеся из газовой камеры.

Весь этот артхаус не имеет никакого отношения к правде, которая нам всем действительно нужна: о боли и подвиге, о страданиях детей (в записках Печерский не случайно вспоминает монолог о слезинке ребенка из «Братьев Карамазовых») и трусости иных из мужчин, о героизме и самопожертвовании, о необходимости убить врага, чтобы выжить. Подготовка и ход восстания сведены к обрывкам, вынесены на периферию...

Становится до слез обидно, что американский «Побег из Собибора» с Рутгером Хауэром в роли Александра Печерского более похож на честное, обращенное к зрителю кино. В фильме есть душераздирающие и запоминающиеся сцены нацистского насилия. В нем привезенные в лагерь русские (вот где это слово звучит многократно) военнопленные сразу воспринимаются остальными как луч надежды, как кулак, который может проломить стену. Печерский Хауэра — не нытик, а лидер и борец. Уничтожение эсэсовцев показано как настоящий напряженный боевик.

Не скрывали американцы и того, что на вышках за пулеметами и вокруг периметра стояли не абстрактные люди в эсэсовской форме, а украинские национал-коллаборационисты, прозванные «транниками». Среди охранников Собибора был и одиозный Иван Демьянюк. Обо всем этом в фильме Хабенского не сказано ни единого слова.

Российский режиссер все время пытается сделать «не как у американцев», но все равно волею-неволею воспроизводит мотивы «Побега». Однако в смысловом неясности, к сожалению, оказался вполне оригинален. Наверное, у Хабенского получился бы отличный остроумный фильм об отношениях эсэсовских мучителей-садистов и их жертв. Но на каком-то другом материале. История Собибора осталась им толком не рассказанной. Тот, кто не знает из других источников о концлагере, ничего в этой мешанине эстетских образов не поймет.

«Собибор» — впрочем вышедший фильм, но промахивающийся мимо главной цели: сегодня историческая и художественная правда о Великой Отечественной гораздо важнее, чем особенное режиссерское видение и отсылки к классикам мирового кинематографа. Война отступает все дальше, и поколению, которое идет вслед за Хабенским, придется воссоздать ее по крупицам, по дням, чтобы освежить национальную память. И о Собиборе придется рассказывать заново.

Когда броня крепка

Иван РЫБИН

Легендарный Т-34, для нескольких поколений ставший синонимом слова «танк», можно увидеть не только на постаментах и в кинофильмах. Материалов об истории боевой машины осталось множество. Модели, которые доступны сегодня, как правило, последние и зачастую послевоенные модификации легендарной техники. Первые образцы, на которых воевали под Москвой и на Курской дуге, не сохранились.

ФОТО: ИЛГАР-РАС

Созданный в рекордно короткие сроки Т-34 имел множество достоинств, благодаря которым и был принят на вооружение. Противоснарядное бронирование с рациональными углами наклона, тягловый дизельный мотор, трехдюймовое орудие, широкие гусеницы, высокая подвижность — такой танк требовался РККА как воздух. Более того, ничего подобного нигде в мире еще не производилось.

До того как Т-34 стал всемирно известным, в 1939 году прогремела песня о «трех танкистах». Стихи Бориса Ласкина, положенные на музыку братьев Покрасс, были исполнены Николаем Крючковым в фильме «Трактористы». Конечно, «три веселых друга» не могли быть экипажем Т-34: по одной из версий, они управляли легким БТ-7. Но важно, что предрасположение боевых машин мгновенно ставшая народной песня, танкисты оказались отдельным «племенем» — не пехота, не кавалерия, не летчики, но особое братство, живущее «нерушимой, дружною семьею».

В той же картине прозвучал и сразу ставший знаменитым «Марш советских танкистов»: «Броня крепка, и танки наши быстры, / И наши люди мужества полны: / В строю стоят советские танкисты — / Своей великой Родины сыны».

Но начало пути выдалось для Т-34 не самым простым. «Неплохая заготовка», — так охарактеризовали в вермахте русское изобретение. Несмотря на внушительную броню, «тридцатьчетверку» да и тяжелые машины серии КВ посчитали несерьезными противниками. Основания для этого были. «Работы над Т-34М запустили вскоре после смерти Михаила Кошкина. 19 ноября 1940 года вышло постановление Комитета Оборона при СНК СССР № 428 с предписанием создания, по сути, другой машины, — рассказал историк БТ, полковник запаса Игорь Желтов. — Проект нового танка с торсионной подвеской, высвободившей массу места внутри бронекорпуса, просторной башней и принципиально лучшими приборами наблюдения (включая командирскую башенку, которая значительно улучшила обзор поля боя) был в целом готов к апрелю 1941-го. А к 22 июня и опытные образцы сделали минимум на 50 процентов».

Однако после начала войны и потери большей части танкового парка пришлось ограничиться паллиативами. Так, нехватку дизельных двигателей В-2 компенсировали установкой бензиновых моторов М-17Т. Этот проект, разработанный еще до войны в КБ Харьковского паровозостроительного завода, считался «мобилизационным». Такие двигатели ввездного сгорания на складах хвато, именно они стояли на многочисленных БТ-7. По сравнению с дизельной версией аппарат отличался меньшим шумом выхлопа, лучшей надежностью и скоростью. Специальной обозначения для бензиновых «тридцатьчетверок» не вводили, хотя их сделали много — около двух сотен. К сожалению, ни

одного Т-34 с М-17Т сегодня не найти ни на постаментах, ни в музеях. Быть может, подобную машину поднимут из болот энтузиасты-поисковики.

Улучшение танка продолжалось постоянно. На часть карбюраторных Т-34 установили 57-мм пушку ЗИС-4, созданную знаменитым конструктором Василием Гробиным. Машина получила название «танк-истребитель», всего таких известна дюжина: два опытных и десять как бы «серийных». Ни один из них не сохранился.

Несмотря на свою малочисленность, Т-34-57 оставили яркий след в истории битвы под Москвой. Под Тургиново (Калининская область) отличился ветеран Халхин-Гола, командир 21-го полка 21-й танковой бригады. Герой Советского Союза майор Михаил Лукин выбивал у гитлеровцев грузовики, тем самым полностью разрушая вражескую логистику. Его «истребитель» отлично зарекомендовал себя в бою. 17 октября 1941-го экипаж погиб — танк с перебитой гусеницей отстреливался до последнего, фотографии подбитой машины сохранились. Что самое удивительное, бензиновый Т-34 не сгорел, хотя досталося ему прилично.

После успешного контрнаступления под Москвой производство Т-34-57 свернули, о нем вспомнили лишь через два года. Страшные потери на поле Прохоровки побудили Главное автобронетанковое управление реанимировать проект «истребителя». Но к этому моменту 57-мм стало не хватать. «В умах военных уже повсюду царил перспективная 85-мм танковая пушка, да и немцы наращивали калибры», — пояснил историк Юрий Пошалок.

Одновременно с этим стояла задача улучшить защиту экипажа. По мотивам шестиугольной башни Т-34М еще в конце 1941-го — начале 1942-го был создан проект «сварной гайки» из проката. По сравнению с литой броней плиты значительно прочнее, да и конструкция получалась легче — ее можно было усилить дополнительными экранами. Но, увы, идею не реализовали — как в силу объективных причин, так и из-за нежелания руководства заводов осваивать новинку.

«Народным» Т-34 стал не сразу. На фотографиях военных лет много и настоящих шедевров, созданных «на коленке», — на фронте бойцы и техники как могли исправляли ошибки производственников. Появляясь отдельным бронированием (экраны), ставили катки от «Пантер», дооборудовали внештатными пулеметами (например, ленд-лизскими крупнокалиберными Brownings), используя трофейные компоненты, улучшали оптику.

Год от года количество выпущенных заводами единиц техники росло. К концу 1944-го общий объем Т-34 составил более 80 процентов от всего производства танков в СССР: старались заводы Урала и Сибири. Улучшались и характеристики, машина приобрела все известные классические черты — проходимость, надежность, простота в эксплуатации.

Появлялись и легендарные герои-танкисты. Асами называли не только великих летчиков, но и старшего лейтенанта Дмитрия Лавриненко, который в битве под Москвой использовал все преимущества Т-34, блестяще маневрируя и смело сблизившись с противником. За два с половиной месяца Лавриненко уничтожил 52 машины противника. В июне 1942-го рота старшего лейтенанта Владимира Хазова подбила 31 вражеский танк. Т-34, выходя с завода, часто испытывался прямо в бою — на нем атаковал нацистов еще один герой СССР, Иван Любушкин.

Боевая машина в разных модификациях появляется во многих советских фильмах. Т-34-76 образца 1942 года стал героем «Великого перелома» (1945) и «Жаворонка» (1964), а Т-34-85 — фильмах «Падение Берлина» (1949) и киноэпопеи «Освобождение» (1972).

Для многих бойцов он стал домом. А для страны — символом, попла в стихи и песни даже таких, казалось бы, далеких от войны авторов, как Марина Цветаева, которая писала: «Человек заслуживает — танка! / Но и замка. / Феодального — / Для одного».

Детище Михаила Кошкина — сегодня один из узнаваемых во всем мире символов Победы. Самый массовый, самый известный наш танк давно перестал быть просто машиной, интересной только историкам: он ушел в народ как часть общей национальной памяти о войне.

Весело, весело, встретили войну?..

«Танки». Россия, 2018
Режиссер: Ким Дружинин
В ролях: Андрей Мерзликин, Аглая Тарасова, Антон Филипенко, Сергей Стукалов, Алексей Овсянников, Дмитрий Поднозов, Мераб Майсурадзе, Александр Тутин
12+
В прокате с 26 апреля

Таисия ЗИНИНА

Накануне Дня Победы на экраны выходит фильм Кима Дружинина «Танки».

Вряд ли стоит анализировать картину с точки зрения художественных достоинств. Смотреть его будут не за этим. Трудно представить, что заготовки жанра придут судить да рядить — ах, как дан свет, убедителен ли Андрей Мерзликин, правильны ли интонации? Лента задумывалась и сделана как народная, и оценивать ее стоит именно с точки зрения воздействия на массового зрителя, который никогда не будет вдаваться в тонкости. Нет, обычный человек не гауп, просто ему ни к чему детали, он видит суть. Тем и отличается от «экспертов», которые, разумеется, будут возмущены тем, что гусеницы у киношного танка не такие, как у оригинала.

Мелочи оставим. Перед нами 1940-й год, знаменитый танковый

пробег Михаила Кошкина: прото-типы Т-34 доставляют в Москву, чтобы утвердить у вождя запуск лучшей боевой машины войны. Этот рывок стоил великому конструктору жизни. Таким был пролог войны, к которой Советский Союз готовился долгие годы, перестраивая на ходу промышленность и готовя людей к тому, что завтра, может быть, придется встать под дулом.

30-е и начало 40-х были эпохой тщательного, вдумчивого сбора сил, однако из картины трудно понять, чем занята страна. Все веселится. В «Танках» нет времени для того, чтобы остановиться и подумывать, — действие развивается так, как в любом современном мультфильме и комиксе, рассчитанном на детей с синдромом дефицита внимания. Кадр, кадр, кадр, перемена действия, персонажа. Бешеный темп оставляет одну эмоцию: захватывающее «ух!». Нет пауз. Какая уж вдумчивая подготовка к войне? Зачем? Кавалерийским наскоком с шаш-

ками ноголо — как будто по-гусарски очнулись после бурной ночи и сразу в бой.

Вполне возможно, что все, что мы сейчас видим в нашем кино, это заявка на новую интонацию, проба пера. Дружинин ушел и от «чернухи», и от традиционного для России трепета по отношению к войне. Он играет: некоторые эпизоды «Танков» сделаны будто перед нами компьютерный симулятор, все кажется нарисованным (очень качественно, кстати, этого не отнять). Характеров в развитии режиссер не дает, но для «стрелялки» они и не нужны. Мы победили, и сделали это быстро и хлестко — видимо, молодежь должна проникнуться именно этой идеей.

Если «Танки» соберут приличную кассу, впереди нас ждет множество историй о том, как жарко и весело было на Курской дуге; как курили махорку чистенькие, с иголкой одетые партизаны, с новыми винтовками и белоснежными улыбками; как за три дня брали Берлин.

Это даже не шапкозакидательства — просто новый стиль: некогда размышлять, ведь зрительское внимание, как учат сегодня рекламщики, дольше пары минут на чем-то одном не задерживается. И то, что в фильме Дружинина речь идет о 40-м, не должно никого вводить в заблуждение, тема картины — война, наша Победа. Режиссер честно патриотичен, он нигде не отступает от формального канона. Но черхара скрывает любой смысл.

Робкую претензию — «все было не так» — не стоит принимать всерьез. Скоро, к сожалению, не останется почти никого, кто доподлинно знает, как оно было на самом деле. Будут только архивы, фотокарточки родных, великие советские фильмы и — одна на всех «стрелялка», в которой наши всегда будут побеждать немцев, не слишком утомляясь.

Бороться с тенденцией можно. Но бессмысленно. Останется сохранять в своем сердце хоть что-то из того, что не похоже на гляцевую картинку. В этом современное кино нам не помощник.

Ким Дружинин:

«Создатель Т-34 был настоящим художником»

Алексей КОЛЕНСКИЙ

«Культура» пообщалась с режиссером Кимом Дружининым.

культура: Почему именно Т-34 стал символом нашей Победы?

Дружинин: Благодаря сумме боевых и технических характеристик — дешевизне, маневренности, скорости, бронезащите и огневой мощи. Немецкие машины были в разы сложнее и дороже (на «Тигра», например, ставили полуавтоматическую коробку передач). На съемках мне доводилось «поругать» нашими и германскими танками, управлять Т-34 физически тяжело. Зато после боя побитую машину можно было вернуть к жизни подручными средствами. Недостатка в них, как правило, не наблюдалось. Это был самый массовый танк в истории, через Великую Отечественную прошли более 80 000 единиц техники. «Тридцатьчетверки» делали на пяти заводах, не имевших между собой связи. В Т-34 не было лишних деталей, их могли собирать (и собирать) даже женщины и дети. Немаловажный фактор — красота конструкторских решений. Например, форма башни: при попадании прямого наводкой снаряд или отколывался от траектории, или был вынужден тягаться с 45-миллиметровой броней, под углом превращавшейся в более мощную. Еще пример: гусеничные траки соединяли стальные «пальцы». В германских машинах эти оси представляли собой дорогостоящую конструкцию гаек, шайб и болтов. У нас использовали закаленные с внешней стороны штыри: «пальцы» не выбивались из гнезд, так как фиксировались бортовыми выпуклостями, на ходу забивавших их обратно. Конструктор Т-34 Михаил Кошкин был настоящим художником, изобретателем простых и красивых решений. Скажем, орудие прототипов было примерно вдвое короче, чем 76-миллиметровая пушка серийных машин. Задокументирован его спор с заместителем Николаем Кучеренко о том, какой вариант лучше. В сердцах инженер

ФОТО: СЕРГЕЙ БОБРИН/РАС

бросил генеральному: «Не нравится? Вот тебе ножовка, давай отпиливай».

культура: А чем отличаются Ваши «стальные кони» от исторических прототипов?

Дружинин: Мы собрали машины на базе мосфильмовских тягачей, снабдили сварными, изготовленными с нуля башнями и орудиями. В 40-м году передний борт «тридцатьчетверки» был литой, а серийный — сварной, мы восстановили первый вариант. Диванные эксперты будут недоважны гусеницами. Признаю, они далеки от оригинала — нам никто бы не позволил раскурочить студииную технику. Но «Танки» — не фильм-памятник, мы снимали приключенческую историю. Из реальной жизни мы использовали лишь основную коллизию с танкопробегом. В чистом поле, причем осенью, на ходу, было выявлено несколько сот недоработок, но мы не хотели превращать свое кино в производственную драму.

культура: Оборудуя логово блокадников, которые организовали на героев засаду, устраивая гонки с диверсантами аввера, Вы ориентировались на эстетику «Безумного Макса»?

Дружинин: Отчасти. Я обожаю дизельпанк (жанр фантастики, где описывается мир, базирующийся на технологиях уровня 1920–1950-х. — «Культура») и постапокалиптические картины. В основном это отразилось

на техническом оснащении германских агентов. Например, для их мотоциклов мы взяли за основу BMW R-71, позже ставшие прототипами советских «Уралов».

культура: Складывается ощущение, что фантазийные элементы картины соответствуют альтернативной истории, экранизированной в духе аниме.

Дружинин: Да, признаюсь, хотел двигаться в эту сторону, но так и не нашел ответа на вопрос, как связать свою задумку с духом национального приключенческого боевика? Кино — это в первую очередь интересная история, имеющая свободный контекст, но для занимательности не мешает и приврать. Главное, оставаться достоверным, не терять из виду объективную реальность. Мы много консультировались с автором сценария, историком Андреем Назаровым. Факты активности диверсантов насчитываются тысячами — не только в Центральной России, но даже за Уралом.

культура: Стоило ли фантазировать? В истории Великой Отечественной остается немало белых пятен, ждущих самого тщательного расследования и образного осмысления.

Дружинин: Любое историческое событие важно в качестве опыта, урока и образа. Вопрос — как преподнести его в живой жанровой форме? Жанр — это расстановка акцентов, тут важно, найдет ли режиссер об-

щий язык с аудиторией или нет. Для этого следует ориентироваться на коды, заложенные в массовом сознании, — как исторические, так и современные.

культура: Вы оказались убедительны в части кастинга. Андрей Мерзликин и Аглая Тарасова составляют интригующий, необычный дуэт. Чем руководствовались при выборе исполнителей?

Дружинин: Эффектом неожиданности. Зритель не должен догадываться о том, что этих людей из разных миров может соединить романтическое чувство. Но что-то есть в нашем Кошкине, позволяющее его окружению раскрываться и совершать неожиданные поступки. Мы искали простые решения для любовной линии, сложнее всего было добиться от Аглаи «советскости». Мне была нужна хрупкая девушка со стальным стержнем, абсолютно самостоятельная, твердо знающая чего она хочет. Теронии Инны Макаровой или Людмилы Целюковской сегодня на вес золота. Куда-то пропала эта порода, просто кошмар.

культура: Ваша предвещающая картина, снятая совместно с Андреем Шальпой батальной драма «28 панфиловцев» завоевала заслуженное признание публики. Чьи отзывы Вам особенно дороги?

Дружинин: Людей, поверивших нам на этапе краудфандингового сбора средств. Мы не обещали жертвовать ничего, кроме упоминания в титрах. Многие просили называть имена воевавших дедушек и бабушек. Фронтовики также стали участниками нашей картины — двадцать минут финальных титров превратились в своеобразный Бессмертный полк... **культура:** Какие плюсы и минусы в соавторстве и самостоятельном плавании?

Дружинин: Одна голова хорошо, а две лучше. Все сомнения разрешаются в содержательных спорах, в поисках истины. Одному тяжелее, приходится постоянно опровергать самого себя.

культура: Над чем работаете?
Дружинин: Готовлюсь к съемкам восьмисерийного сериала для «Первого канала». Речь идет о включенных сотрудниках КГБ, время действия — восьмидесятые годы.

1 Алимов: Тем не менее продолжал создавать новые вещи — решил, что графика способна «жить» самостоятельно. Возможно, стоило бы теперь вернуться к идее насчет анимационной ленты... К сожалению, это дорогостоящее мероприятие. Пока мои произведения можно увидеть на выставках. В Музее Булгакова планируем открыть экспозицию ко дню рождения писателя.

В детстве я обожал книги, и когда вырос, с удовольствием создавал иллюстрации: «Приключения барона Мюнхгаузена», «Мэри Поппинс», тексты Чуковского... У нас была прекрасная библиотека. Родители поощряли тягу к искусству: папа — архитектор, мама — художник-график. Оба учились в знаменитом ВХУТЕМАСе, где и познакомился. Перед глазами картина: мама делает иллюстрации для «ДЕТГИЗа», а на клочке бумаги рисуя выдуманные истории. Наша с братом судьба оказалась предрешена. Борис, кстати, был замечательным художником. К сожалению, его уже нет в живых.

С воспоминаниями детства связан еще один автор — Николай Васильевич Гоголь. С ранних лет любил «Мертвые души». Однажды предложили оформить издание поэмы: к тому времени уже окончил ВГИК, сделал фильм «История одного преступления» и «Каникулы Бонифация». Книга вышла в 1970-е. Через несколько лет взял ее в руки и с ужасом обнаружил, что мои творения никуда не годятся. Поехал в Дом творчества «Челюскинская» и выполнил литографии на тему гоголевского произведения. В этот момент издательство «Вита Нова» попросило проиллюстрировать «Мертвые души». Книга получилась замечательная, в некоторые экземпляры даже клеили оригинальные рисунки.

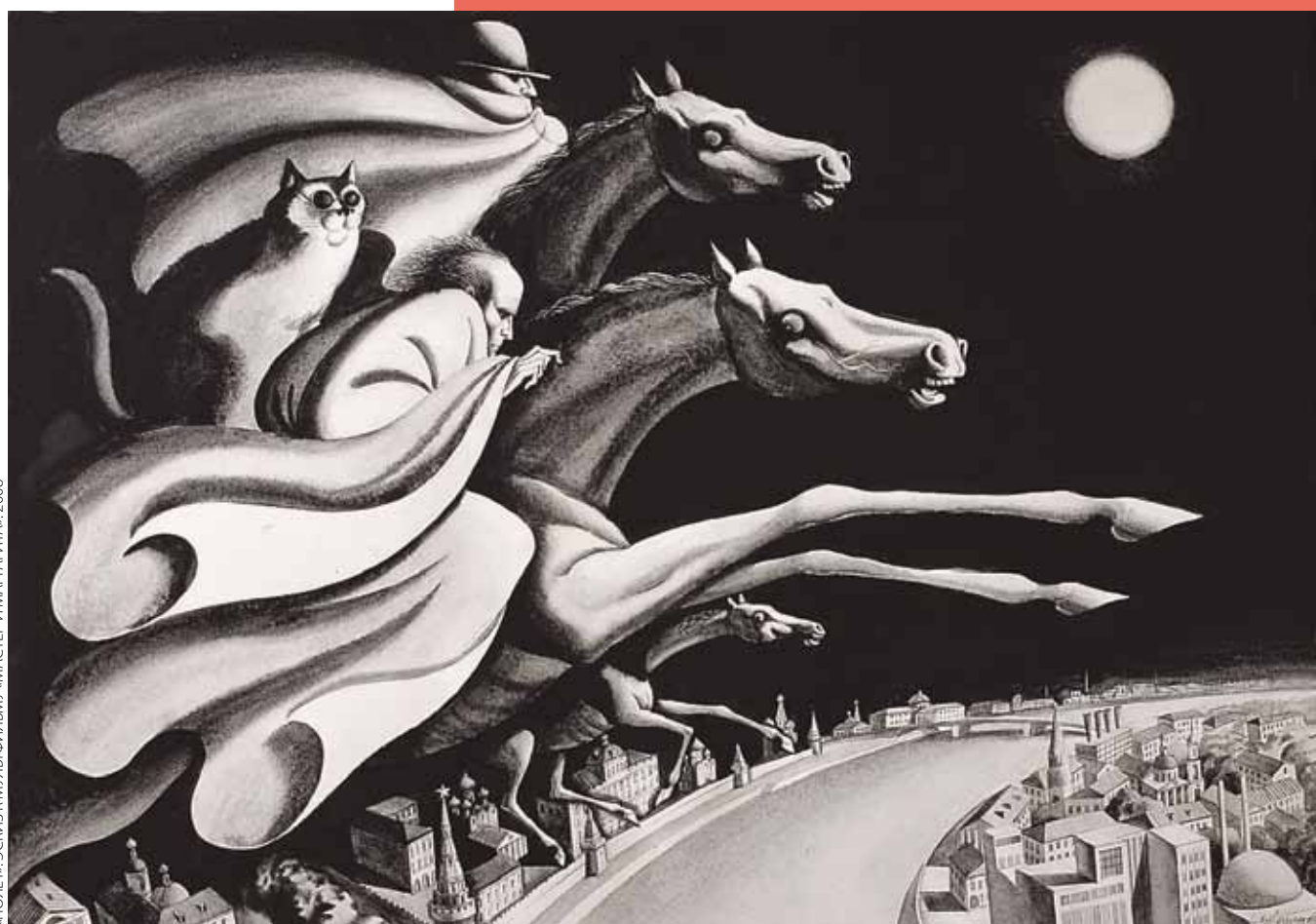
Другой важный автор — Салтыков-Щедрин. На выставке в РГДБ показываю несколько больших листов «Истории одного города».

культура: Правда, что особенно тепло относитесь к «Приключениям барона Мюнхгаузена»?

Алимов: Конечно. Сейчас, кстати, готовлю спектакль в Театре кукол имени Образова, где работаю главным художником. А в конце 1980-х оформила книгу. Она оказалась очень популяр-

Сергей Алимов: «Нам удалось очеловечить Бонифация»

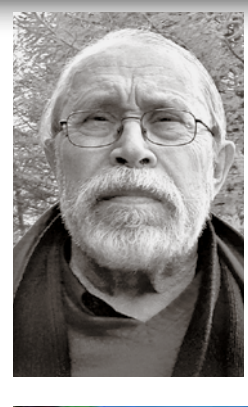

на, недавно было четвертое издание. Мой друг из Германии, увидев иллюстрации, рассказал о музее Мюнхгаузена в Боденвердере. Они следят за художниками, занимающимися этим литературным персонажем. Я приехал к ним на симпозиум, познакомился с последним Мюнхгаузеном — веселым, добродушным толстячком, больше похожим на Тартарена из Тараскона. Немцам понравились мои рисунки: изображение барона на ядре стало официальной эмблемой города.

культура: Поговорим о мультфильмах. Вы работали с выдающимся режиссером — Федором Хитруком...

Алимов: Наше сотрудничество началось с «Истории одного преступления». Я уже выпускался из ВГИКа, и мой педагог Анатолий Сазонов предложил поработать на студии. Для нас с Хитруком это оказалась первая картина. Были очень молоды, делали фильм весело и радостно. Вторая наша лента, «Топтыжка», о дружбе медвежонка и зайчонка, задумывалась для самых маленьких. Совершенно ничего не подразумевали. Однако публика на Венецианском кинофестивале увидела аллеорию — рассказ о дружбе России и Европы. Работа так понравилась, что нам присудили высшую награду за короткометражный фильм — «Бронзового льва».

Еще одна совместная картина — «Человек в рамке». К сожалению, у нее не было широкого проката. Потом дела-

ли с Хитруком короткометражный фильм «Отелло-67» для конкурса по заказу Всемирной выставки в Монреале. Нужно было уложиться в 50 секунд. В те годы появилось много суррогатной литературы, где на нескольких страницах излагались фабулы великих книг, например «Войны и мира». Так возник замысел — взять пь-

су Шекспира и «вместить» ее в ограниченное время. Картина получилась динамичная, с юмором и в итоге завоевала премию.

культура: Ваша самая знаменитая анимационная работа, «Каникулы Бонифация», вышла на экраны более полувека назад. Зрителям до сих пор обожают этого героя. Не надо ли напоминания о нем?

Алимов: Ничуть. Помню, сразу понравилась сказка чешского писателя Милоша Мацоурека «Бонифаций и его родственники»: лев, работающий в цирке, едет на каникулы в Аф-

рику, однако вместо того, чтобы отдыхать, показывает фокусы. В оригинале он развлекал зверят. Мы решили, что картина получится слишком детской, поэтому в фильме главный герой жонглирует перед ребятами. Тем самым удалось очеловечить Бонифация. В итоге, мне кажется, лента вышла удивительно доброй, даже христианской. Когда работали над ней, вспоминали папу римского, рекомендовавшего пастве советскую мультипликацию. Он считал наши мультфильмы замечательными, полными гуманизма и ничуть не ошибался.

культура: Вы преподаете во ВГИКе, воспитываете новые поколения мультипликаторов. Что скажете о будущем отечественной анимации?

Алимов: Сам учился у замечательных педагогов — живописцев Юрия Пименова и Бориса Яковлева, основателя советской мультипликации Ивана Иванова-Вано. Теперь стараюсь передать студентам все, что узнал. Кстати, не только отдаю, но и получаю — молодые люди заражают энергией.

К сожалению, состояние отечественной мультипликации сложное. Мы сразу после выпуска шли работать на «Союзмультфильм». А теперь студия переехала в Останкино, пока там царит неустойчивость. Маленькие киностудии не могут снимать большие фильмы: слишком дорого. К тому же уровень нынешней продукции несравним с лучшими образцами прошлого. Героев нынешнего времени «нащупать» пока не получается. Мультипликация переживает большой кризис. Компьютер — хороший помощник с точки зрения техники, но он не заменит таланта и мысли. Рассказываю студентам о том, как важно уметь рисовать: бумага, кисти, краски,

холст, изучение природы — необходимо все. Когда художник проходит академическую школу, он может изобразить что угодно — станет мастером и, кто знает, даже гением.

культура: Тяжело ли иллюстрировать великие произведения, к которым до Вас обращались другие мастера?

Алимов: Очень. Нужно заставить себя избавиться от влияния предшественников. Вычеркнуть сделанное ими из памяти. Это невероятно трудно. Зато какая награда, когда, глядя на рисунок, можешь вслед за классиком воскликнуть: «Ай да Пушкин! ай да сукин сын!»

AZбука классика

МУЗЕЙ AZ отмечает трехлетие: в Москве открылся масштабный смотр «Зверев-GALA», а в конце мая во Флоренции планируется представить первый зарубежный проект. За время существования частная институция подготовила шесть выставок. Каждая становилась событием — эстетские, изобретательные, они включали в себя не только работы «гения места», но и творения других авторов, нередко современных. При этом организаторы тщательно отбирали экспонаты, стараясь не «перегружать» пространство. В этот раз подарок публике оказался щедрым: почти 300 картин и рисунков Анатолия Зверева, среди которых впервые демонстрируемые иллюстрации к «Запискам сумасшедшего» Гоголя (дополненные анимационным фильмом Михаила Алдашина). Конечно, это лишь малая часть коллекции (все в фондах хранится более 1500 произведений Зверева), однако для погружения во вселенную неординарного мастера вполне достаточно.

По словам Сергея Соловьева, искусствоведа и редактора издательского проекта музея, главная задача — рассказать о теме человека в творчестве мэтра. Не случайно

львиная доля работ на первом этаже — автопортреты. Пристально глядя в свое собственное лицо, художник создавал вещи, демонстрировавшие разнообразие подходов и техник. Где-то Зверев предстает в виде стильного юноши с бородкой — почти хипстера, в другой раз — натягивает ванговскую ушанку, а иногда странно та-

рачится, словно циклоп из полуабстрактной картины («Автопортрет с одним глазом»). Все эти эскизы — попытка отразить бытие живописными методами, а заодно отыскать свою нишу в переменчивом искусстве XX века.

Те же поиски отражены и в лицах зверевских красавиц, представленных на втором этаже. Два года назад публике показывали отдельную выставку, посвященную музам художника. Теперь работы, в том числе и портрет арт-директора музея Полины Лобачевой (с этой картины началась коллекция Наталии Опалевой, основательницы собрания), вывешены своеобразным иконостаем (безусловно, светским). Здесь можно обнаружить изображения возлюбленной живописца — Оксаны Асеевой, а также портреты дочерей коллекционера Георгия Костяки — Инны, Наташи и Лили.

По соседству — знаменитые «попчеркушки»: жанровые зарисовки, сделанные в основном в парке «Сокольники», куда мастер в 60-е устроился маляром. Эти рисунки позволяют многим искусствоведам проводить параллели с Ван Гогом. Действительно, графика Зверева, сделанная в другой стране, через полвека, удивительно напоминает наброски голландского мастера. И все же наш автор более лаконичен: эти эскизы, очищенные от всего лишнего, приближены к знакам — в отличие от подробных зарисовок Винсента. К тому же отечественный художник постоянно находился в поиске: на выставке можно увидеть вещи, словно вдохновленные экспрессионизмом, или, наоборот, предельно реалистичные, будто созданные кем-то из «официальных» авторов.

Другие нетривиальные работы — пейзажи: на некоторых изображены церкви — например, Новодевичий монастырь. Эти произведения, по словам Сергея Соловьева, своеобразный оммаж экспозиции «Дорога к Храму», представленной в прошлом году в Музее русской иконы. Символ

креста встречается и на других картинах — в частности, в супрематических вещах, показанных на третьем этаже. Интерес художника к авангарду организаторы исследовали в 2017-м в проекте «Игра». С одной стороны, в экспериментах Зверева ощущается влияние наследия 1920-х: с работами грандов мастер мог быть знаком через Георгия Костяки, с которым дружил. С другой — мэтр так никогда и не перешел на сторону абстракции, заняв некое промежуточное положение. И дело не в нерешимости Зверева, жившего, подобно проклятым поэтам, на разрыв аорты. Философы XX столетия решительно развенчали фигуру мыслящего субъекта: из центра вселенной он превратился в набор дискурсов, штампов и идеологем. Художники последовали за учеными: они не стремились раскрыть душу героя, а все больше исследовали формальную сторону живописи. В этом смысле Зверев оставался ретроградом — тонко чувствующим, своеобразным: человеком рубежа XIX–XX веков, который из-за капризов судьбы появился на свет в чужую холдную эпоху.

Полосу подготовила Ксения ВОРОТЫНЦЕВА

Чисто, авторитетно

Егор ХОЛМОГОРОВ

САЙТ Colta.Ru опубликовал список «моральных авторитетов России», сделав это так, чтобы сразу было понятно, кто у нас сегодня ответственный за ум, честь и совесть: Борис Акунин, Евгения Альбац, Лия Ахеджакова, Дмитрий Быков, Михаил Горбачев, Андрей Макаревич, Петр Павленский, Кирилл Серебренников, Виктор Шендерович, Григорий Явлинский. Несколько десятков имен, каждое — на вес золота, без шуток.

Разумеется, список людей с безупречными генами разбавили немногочисленными благотворителями, просветителями, борцами с раком: есть и пара деятелей искусства с безупречной репутацией — они призваны придать картине солидности. А престарелые рок-звезды вроде Шевчука и Гребенщикова да рэпер Оксимирон должны обеспечить драйв.

Зато как узок оказался круг консерваторов: Владимир Путин, патриарх Кирилл, епископ Тихон, Никита Михалков и два бунтаря — Эдуард Лимонов и Захар Прилепин. Других авторитетов «справа» у нашего общества не обнаружено. Соотношение консерваторов и либералов в списке — один к десяти. Сделано это затем, чтобы вторые точно победили.

В Colta, конечно, отлично знают, что местечковый конкурс авторитетов никого бы в Сети не заинтересовал. Поэтому они, как и все, кто что-то понимает в сетевой шумихе, решили красить забор по методу Тома Соьера, то есть предоставить устраивать действо энтузиастам. Мол, мы вам составили идеальный список действительно правильных кандидатов, а вы добавляйте кого хотите.

Каждый, разумеется, тащит себя, своих друзей, нагоняет посещаемость. И вот уже первые места занимают никому не известные видеоблогеры Maddyson и Ваномас, предприниматель Нариман «Абу»

Намазов. Накрутки порой выглядят действительно смешно. К чему этот птичий базар точно не имеет отношения, так это к морали. Но что бросается в глаза — как только дело доходит до свободного рынка интернет-ботов, от нарисованного себе либеральными гуру преимущества не остается практически ничего.

Путин опережает всех политиков, Эдуард Лимонов — Дмитрия Быкова. Чтобы усилить авторитет своей маленькой компании, либеральные составители рейтинга пошли даже на прямую подлог, включив в него Светлану Алексиевич. Между тем она гражданка Белоруссии, живущая в ЕС, симпатизирующая Украине. С тем же успехом в авторитеты можно записать папу римского или Харви Вайнштейна. Но тут новое жульничество — мол, наши авторитеты «говорят на русском». Но не помогло — включенный в список нобелевский лауреат Жорес Алферов обходит писательницу на дюжину голосов.

В общем-то каждый либеральный авторитет при публичном голосовании заметно сдувается по сравнению с сопоставимым с ним консерватором, и этот интернет-опрос ничем не лучше и не хуже прочих.

Но пока поле общественной активности у нас отдано «оппозиции». Только начни ругать власть — и ты в авторитете. А прояви толику разума — и вот ты уже списан. Вспомним, как травмили Доктора Лизу, с тех пор как эта отчаянная женщина отправилась помогать детям Донбасса, и с каким облегчением вся тусовка вздохнула после ее трагической гибели — теперь уже никто не нарушает

стройности «моральных» рядов. Или как мгновенно постарались позабыть потерявшего семью в кемеровском пожаре Игоря Вострикова, когда он вместо конфликтов с чиновниками стал помогать расследованию и освещению причин и хода катастрофы.

И это одна из травм нашего общества. Право быть арбитром морали слишком долгое время принадлежало не церкви, не государству, не подлинным героям, действительно совершившим нечто значительное. Оно оказалось отдано самоназначенной группе лиц, объединенной узким интересом: морально то, что считает таковым «священная граница».

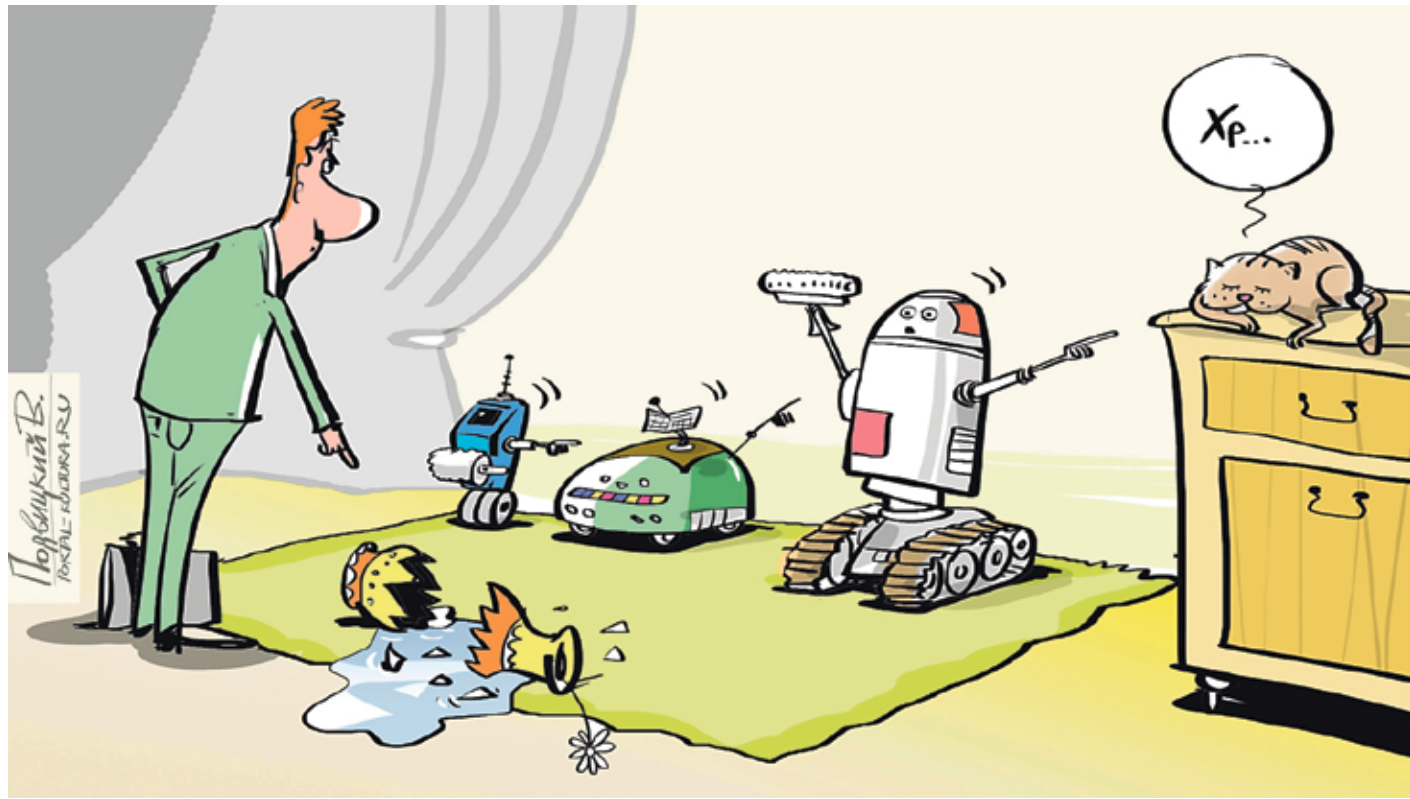
Никакая нормальная дискуссия, никакая конструктивная оппозиция у нас в стране, пока под «обществом» автоматически понимаются сторонники разрушения государства, попросту невозможна.

Потому «народное» голосование сегодня поднимает наверх видеоблогеров, оказывающихся популярнее и Ахеджаковой, и Лимонова, но не являющихся моральными авторитетами даже для тех, кто ставил им лайк. Институт общественного признания почти разрушен, и вина лежит на всех: и на тех, кто годами пестовал тусовочные правила, и на тех, кто уходил в оппозицию к самоназванным «властителям» дум. Опрос — хорошая примета времени, он свидетельствует о том, что на месте ценностей у нас уже не враждующие группы (их противостояние мало кому на самом деле интересно), но персонажи роликов на YouTube, для которых все одна сплошная шутка. Морального авторитета вытеснили? Сейчас мы вам покажем, у кого армия фанатов круче!

И вот это точно не смешно.

Автор — публицист

Бесправные мира сего

Михаил БУДАРАГИН

РОБОТЫ сегодня — это дань нашей общей, всечеловеческой, двусмысленности. Много пока разделяет разные нации (ничего, ненадолго), но объединяет одно: мы страстно ждем искусственный интеллект, осуждаем грядущее «восстание машин», но не считаем саму эту тему по-настоящему важной. В России принято уповать на социальное в экономическом его аспекте (что с ценами?), в США — на политику, в том числе внешнюю, в Китае — на экономику. Всегда есть новости поважнее, чем все эти железяки с программным кодом. Но где-то краем уха мы все равно ловим шум времени, слышим этот гул: скоро все изменится, и мало кто всерьез представляет, насколько скоро. Человек — существо консервативное, всякий думает, что на его век хватит пожить, как привычно. Пусть потомки разбираются.

Описанная двусмысленность во многом связана с размытостью ключевого понятия. Определение «искусственный интеллект» — крайне туманно: мы не понимаем, насколько естественен наш собственный интеллект, и плохо представляем, как именно работает мозг в целом. Поэтому — здесь я сошлюсь на мнение философа Бориса Межуева — говорить стоит об искусственной воле. Ум без воли — пустая игрушка, не представляющая ни опасности, ни особой ценности. Потому сегодня в ЕС разворачивается борьба за то, чтобы считать роботов «юридическими лицами», наделив машины рядом обязанностей (и заодно — в перспективе — прав).

У идеи есть сторонники — это члены Европарламента, и противники — ученые. Первые говорят о том, что каким-то образом законодательно нам нужно

определяться с тем, что такое машинный разум. Вторые настаивают на том, что вся мера ответственности будет лежать на человеке, операторе устройств. Проще говоря, пока роботы медленно вползают в юридическое поле, но пока — в статусе животных (как ни иронично это звучит): гусь может нанести человеку вред, но создавать полноценную правовую базу для пернатых не стоит. Птица не обладает дееспособностью, у нее нет злого умысла, потому что нет воли. Но что, если у роботов она появится?

Представим себе ситуацию. Очередные насмотревшиеся роликов на YouTube школьницы идут жарить крабовые палочки на Вечном огне. Не со зла, просто хочется минуты славы. Родитель приставляет к ним робота, который обладает... предположим, не сознанием, но некоторым алгоритмом, позволяющим анализировать этически сложные ситуации и, главное, делать выводы. Что случится, когда электрический помощник решит, что юные нелепые барышни представляют опасность сами для себя, исходя из очень простой логики: сегодня вы палки тащите в Вечный огонь, а завтра — голову засунете? Программа не может предусмотреть всего многообразия ситуаций, однако вполне в состоянии выявлять моменты потенциального риска. Это ведь будет не столько бездушная машина, сколько инструмент, которому родители и общество скоро делегируют определенные права. Скажем, право вызывать полицию или включать систему оповещения. Или — а

почему бы и нет — в воспитательных целях применить к подросткам меры физического воздействия? Многие родители (уже и у нас, не только на Западе) сегодня чад лишней раз шлепнуть боится, а вот если наказывать будут роботы? И воспитание, и совесть чиста.

Описанная картина даже сейчас не выглядит чем-то особенно фантастическим. Лет через десять подобное точно станет нормой. А дальше возникнет множество юридических коллизий, связанных с тем, что вторжение в частную жизнь станет делом не только семейным, но и корпоративным, а также, разумеется, государственным. Машинам на откуп будет отдаваться все больше пространства для принятия решений, и за это с кого-то придется спрашивать.

Европарламент пытается подступиться к проблеме и делает это, конечно, неуклюже. Однако в России нет ни малейшего признака понимания грядущих этических трудностей. Мы привычно не доверяем Западу, хорошо. Но ведь когда грянет гром — просто возьмем готовые законы и будем спешно их применять, пытаясь адаптировать к сложной реальности.

Кажется, что в запасе у человечества много времени. Это не так. Думать о правах роботов, будущих «мыслящих» машин, стоит уже сегодня, чтобы не метаться потом, пытаясь понять, что же нам делать со свалившимся счастьем в виде программ, которые рано или поздно обретут не разум, но волю.

Пока «умный» пылесос не учит хозяина жить. Но ведь скоро даже он поймет, что живем мы как-то не так. И что тогда?

Автор — шеф-редактор газеты «Культура»

Может, лучше без майдана?

Владимир ХОМЯКОВ

ГЛАВНЫМ событием недели стали массовые протесты в Армении, закончившиеся добровольной отставкой премьер-министра Сержа Саргсяна. Оппозиция празднует победу, и теперь есть возможность спокойно оценить все, что произошло, и ответить на вопросы: был ли это местный вариант «цветной революции», проиграла ли в результате Россия и не страшной. Не будем забывать и о том, что теперь, после отставки правительства и дискредитации парламента, ключевая легитимная политическая фигура — президент Армен Саркисян. В парламентской республике фигура второстепенная, но сего-

да — единственное должностное лицо вне конфликта, которому и предстоит осуществлять передачу власти. А Саркисян, между прочим, трижды (!) побывал послом в Великобритании, имел двойное гражданство и личные, весьма дружеские отношения с принцем Чарльзом.

Впрочем, «украинского» варианта в Армении все равно не будет. В обществе сильны симпатии к Москве как к многовековому историческому союзнику. Даже лидер протестующих Никол Пашинян, год назад попытавшийся использовать в своих акциях антироссийскую риторику, получил 7–8 процентов на выборах и сделал из этого правильные выводы.

Кроме того, оппозиция в Армении неоднородна: значительную, если не большую, часть протестую-

щих составляли люди, недовольные Саргсяном именно за его попытку «усидеть на двух стульях» и сочетать союзничество с Россией с не слишком популярными в обществе «западническими» преобразованиями.

В отличие от Украины, в Армении добровольная отставка Саргсяна предполагает конституционную передачу полномочий. А по закону нового премьеря, которым очень хочет стать Пашинян, может продолжиться только парламент, где большинство у партии Саргсяна. До той поры обязанности исполняет Карен Карапетян, политик, России симпатизирующий. Так что ожидать можно чего угодно — вплоть до искусственно созданного кризиса и досрочных выборов. То есть настоящая борьба еще впереди. Не случайно Пашинян продолжает уклоняться от переговоров и рассчитывает на улицу, стараясь повисить ставки.

Россия повела себя в этой ситуации единственно возможным образом: официально заявив, что все происходящее является внутренним делом армянского народа. Позиция проста: мы не вмешиваемся, следим, готовы разговаривать и договариваться. Москва за время протестов не сделала ни одного необдуманного шага, ни одного резкого движения.

Ситуация в Армении развивается стремительно, слухи об отставке Карапетяна сменяются заявлениями о том, что он остается и.о. премьера, протестующие требуют парламентских выборов, но хорошо заметно, что на улицах Еревана и других городов нет мрачных фанатов, взвинченных истерикой и откровенных провокаторов, которыми были полны в свое время Киев и Львов. Значит, есть шанс мирного и разумного разрешения кризиса. Россия, в свою очередь, из Закавказья все равно не уйдет. Напомним, что чем дальше продолжается переходный период в Армении, тем очевиднее будут попытки Азербайджана раз и навсегда решить «карабахский вопрос», воспользовавшись слабостью соседа.

А мирить Баку и Ереван снова придется именно Москве: ни США, ни ЕС с этой задачей справиться не в состоянии, кто бы ни занял пост премьера Армении.

Москва за время протестов не сделала ни одного необдуманного шага, ни одного резкого движения.

Ситуация в Армении развивается стремительно, слухи об отставке Карапетяна сменяются заявлениями о том, что он остается и.о. премьера, протестующие требуют парламентских выборов, но хорошо заметно, что на улицах Еревана и других городов нет мрачных фанатов, взвинченных истерикой и откровенных провокаторов, которыми были полны в свое время Киев и Львов. Значит, есть шанс мирного и разумного разрешения кризиса. Россия, в свою очередь, из Закавказья все равно не уйдет. Напомним, что чем дальше продолжается переходный период в Армении, тем очевиднее будут попытки Азербайджана раз и навсегда решить «карабахский вопрос», воспользовавшись слабостью соседа.

А мирить Баку и Ереван снова придется именно Москве: ни США, ни ЕС с этой задачей справиться не в состоянии, кто бы ни занял пост премьера Армении.

Ситуация в Армении развивается стремительно, слухи об отставке Карапетяна сменяются заявлениями о том, что он остается и.о. премьера, протестующие требуют парламентских выборов, но хорошо заметно, что на улицах Еревана и других городов нет мрачных фанатов, взвинченных истерикой и откровенных провокаторов, которыми были полны в свое время Киев и Львов. Значит, есть шанс мирного и разумного разрешения кризиса. Россия, в свою очередь, из Закавказья все равно не уйдет. Напомним, что чем дальше продолжается переходный период в Армении, тем очевиднее будут попытки Азербайджана раз и навсегда решить «карабахский вопрос», воспользовавшись слабостью соседа.

Автор — сопредседатель движения «Народный Собор»

Своя хрущевка ближе к телу

Платон БЕСЕДИН

УНИЗИТЬ может каждый. А человек творческий сделает это эмоционально, с душой, так, чтобы заметили. Слушали мы актеров Серебрякова и Ефремова о том, как страшна Россия, регулярно читаем высказывания писателей на этот счет, а теперь подключились и деятели рекламы. Вспоминается незабвенный диалог из Пелевина: «Пойдешь ко мне в штат? Криэйтором. — Это творчество? — Криэйтором, Вава, криэйтором».

Много шума наделало высказывание Артемия Лебедева о новой рекламной стратегии авиакомпании Utair. Связьил от души. Возможно, потому что разрабатывал ее кто-то другой; профессиональная зависть, так сказать. Но получилось резко даже не о Utair, а о России в целом.

Мы все видели стандартный пиар-перевозчик, напоминающий нечто среднее между клаймами «Баунти» и конкурсами красоты. Глянецевые пейзажи, довольные люди. Utair сделала принципиально иной ход: на рекламных щитах и бордах разместила типовые дома российских городов: те, что мы видим не в фильмах и роликах, а в реальной жизни. Фото сопровождается слоганом: «Туда, где вас ждут».

Смысл рекламы ясен и симпатичен. Суть не в том, куда вы летите, а к кому. И даже если здания так себе, то главное — это близкие люди, потому что в них ценность жизни. Они и есть Родина. Как в стихотворении, прозвучавшем в великой ленте «Брат 2». «Это Родина моя, всех люблю на свете!»

Артемий Лебедев, впрочем, иного мнения: «Напечатали прям реальный чеснок — Г... пятиэтажки с застекленными балконами. Это и есть наша страна». Заодно критик назвал «ж...» такие места,

как Усть-Кут и Ноябрьск. К слову, первый из упомянутых городов — важная веха в освоении русскими Сибири, затем отсюда же начинался БАМ. Замечательное место, не просто точка на карте.

Разумеется, Лебедев выразил настроения определенной группы людей, которые привыкли относиться к России презрительно. Однако фокус в том, что при всей внешней неприязнательности пейзажей на постерах Utair ничего плохого в них, как правило, нет. Это типовые дома, построенные с одной целью — дать людям жилье. Более того, многие, в том числе и поэты, находят в таком городском пейзаже особую эстетику.

Подобные здания не являются характерной особенностью России — найти их можно в каждой стране мира. А во многих местах есть дома куда хуже. Везде хватает типового жилья. И в России оно несовершенно, конечно, но что с того? Живут люди. Плохие, хорошие, разные. Наши люди. Родные и близкие. Мы летим к ним через тысячи километров — не для того, чтобы предьявить эстетические претензии, нет. Обнять, помочь, сесть вместе за стол.

Однако Лебедев, видимо, не мог обойтись без обобщений: есть повод — палюнь, падающего толкни. У многих наших криэйторов крепко сидит презрение к несовершенству российского бытия. Палюнь, обзовал, унизил — полетчало. А почему? Да потому что оправдал собственное несовершенство внешним, объяснил себе, мол, почему я такой замечательный живу в жутком, как мне видится, месте.

Никто не говорит о том, что хрущевки — венец изящества. Но лучше они, чем бесконечное глянцевое вранье о том, что где-то нас ждет — готовая, вот руку протяни — «красивая жизнь», с белоснежными пляжами и разноцветными яркими домиками. Там всегда лето. Заплати и лети.

Мы, пожалуй, останемся. Сделаем мир вокруг пятиэтажек лучше, наполним его собственным теплом, участием, заботой о близких людях.

Автор — писатель

Алена Бабенко: «Зрители уже наелись новомодных штучек»

Алена Бабенко и Евгений Павлов в спектакле «Свадьба»

«Свадьба». Бертольд Брехт, Михаил Зощенко, Антон Чехов, Илья Ильф, Евгений Петров. Театр «Современник». Режиссер: Егор Перегудов. Сценария: Мария Трегубова. В ролях: Алена Бабенко, Александр Кахун, Татьяна Лялина, Марина Хазова, Илья Лыков, Никита Ефремов, Иван Забелин и другие

Виктория ПЕШКОВА

Театр «Современник» сыграл «Свадьбу», умудрившись собрать на одном торжестве Брехта и Зощенко, Чехова и Ильфа с Петровым. На этом безумном и суматошном празднике жизни Алена Бабенко выступила сразу в четырех ролях. С актрисой встретилась корреспондент «Культуры».

культура: Видя Вас на сцене, невозможно поверить, что Вы в актрисы не собирались. Как так получилось, что после школы решили освоить прикладную математику, а не бросились штурмовать театральные вузы?

Бабенко: Мне нравилась и физика, и математика. Давались легко. Казались совершенно фантастическими науками, потому что вроде оперируют цифрами, а на них проецируется вся наша жизнь. Особенно меня восхищала физика: корпускулярно-волновая природа электрона, разложение света в спектр, черные дыры. Помню, как пыталась разобраться в том, что такое бесконечность. Она у меня в голове никак не укладывалась, и я придумала объяснение: если все состоит из частиц, то бесконечность — это перетекание частиц из одного предмета в другой под воздействием каких-то внешних факторов. Листья деревьев соприкасаются со стволом, а ствол уходит в землю, а земля — с воздухом, а воздух где-то там высоко — с частицами, летающими в космосе. Вот все это я себе воображала, и мне было ужасно интересно. Потом, у меня же папа — инженер.

культура: Литература или история воображение не будили?

Бабенко: С ними все было иначе. Сложнее. Толстые тома просто ненавидела — возникало ощущение, что их невозможно дочитать до конца. Знаете, как я радовалась, когда появились все эти компактные электронные книги. Ты просто прокручиваешь текст, и сколько в нем страниц не важно — в руках-то у тебя тонкая элегантная штучка. Как ни странно, математика и физика ближе актерской профессии, чем филология или история. По моим наблюдениям, гуманитарии — они же все буквеедичателе. Питаются тем, что вычитали. У математиков-физиков — цифры ведь штука абстрактная — воображение развито лучше, чем у тех, кто может пользоваться своими художественным багажом. Ты оперируешь тем, что придумал сам.

культура: От научных изысканий Вас отвлел СТЭМ — студенческий театр эстрадных миниатюр. С чем на сцену выходили, помните?

Бабенко: Самый удачный номер — с песней Джо Дассена «Кафе трех голубей». Учила с пластинки на слух и до сих пор не знаю, о чем я тогда пела. А так — играла в каких-то скетчах, и это было чудовищно. Тогда-то и поняла, что совершенно бездарна и никакая я не артистка: дома — яркая, а на сцене... Мне

казалось, что все вокруг ужасно талантливые, и только я — серость. Вот такой у меня комплекс был.

культура: Но Вы его одолели. Иначе мы бы с Вами в гримерке «Современника» не разговаривали.

Бабенко: Ну, на это немало времени понадобилось. Пересидеть его получилось уже после моей встречи с кино. Хотя все равно было трудно выйти на сцену. Я же «влетела» в «Три сестры» буквально за одну неделю — Галина Борисовна вводила меня в спектакль на роль Маши, одной из самых любимых моих героинь. Это в кино можно говорить «под себя» — там есть микрофон, в крайнем случае можно потом озвучить в студии. А здесь ты вышла — и в последний ряд балкона голос посылаешь. Конечно, в институте всему этому учат, но все очень быстро забывается. Так что я полгода тряслась от страха. Спасла вера в меня Галины Борисовны и то, что многие артисты, с которыми я выходила на сцену, уже были знакомы по кино. Если я с человеком снималась — он мне уже не чужой. Такое личное присвоение происходит.

культура: Редкая женщина удержит в руках театр. Как Галине Борисовне удалось сохранить изначальный импульс «Современника» в эпоху, разительно отличающуюся от той, когда он делал первые шаги?

Бабенко: Думаю, все дело в неизменности театральных принципов, которые она отстаивает, не подстраиваясь ни под какое время. Мы порой ропщем, а Галина Борисовна в ответ: можете показывать любые фокусы, пробовать любые формы, но если не будет честного разговора со зрителем — это не наш театр.

Вот «Три сестры»: здесь, на Яузе, вроде бы и публика несколько иная, чем дома, на Чистых, а спектакль все два года идет при полном зале, где всегда много молодых. И я понимаю, что дело не столько в Чехове, — его по-разному можно ставить, — сколько во взгляде на эту пьесу Галины Борисовны. Мне кажется, зрители уже наелись новомодных штучек, им хочется о душе, о верности и предательстве, жизни и смерти — о том, что важно для каждого.

К сожалению, сегодня люди сидят, уткнувшись в гаджеты, не замечая ничего и никого вокруг, а если и поднимают глаза, то сразу прычат — ни улыбки, ни приветливого слова. Разучились. Смартфону ведь улыбаться не нужно. Нет, я не против техники. Я тоже в них смотрю — у меня там книжки зачаны. Но никакой гаджет не заменит разговора по душам о том, что людям по-настоящему волнует.

культура: На «Свадьбе» молодежи, наверняка, еще больше. Спектакль получился смешным и острым — о том, что мы ищем в браке. Каково Вам было играть сразу четыре роли?

Бабенко: Одновременно сложно и увлекательно, ведь это четыре стадии, которые проходит почти каждый: надежда на счастье, любовь-ненависть на обломках этой надежды, поанейшее равнодушие, когда уже все чувства

умерли, новая надежда, замешанная на отчаянии прежних потерь. Человек не может жить без любви, за ней он готов лететь хоть на край света. Вот у нас в финале все и улетает, куда глаза глядят. А вообще свадьба, в этом я с нашим режиссером Егором Перегудовым абсолютно согласна, очень странное событие. Для жениха и невесты это настоящее мучение: все быстро напиваются, скандируют «Горько!», и ты, как дурак, должен при малознакомых людях целоваться, делая вид, что ловишь от этого кайф. А на самом деле думаешь, когда все это закончится.

культура: В последнее время театр стал лаконичнее и в сценарии, и в костюмах. Вам как актрисе это облегчает задачу или, наоборот, усложняет?

Бабенко: Я люблю минимализм и условность. Стараюсь ко времени не привязываться. Мне вообще кажется, что в искусстве всегда интереснее не буквальное отражение времени, а взгляд на него со стороны. Ненавижу пестрые костюмы и перегруженные декорации, они меня сбивают, отвлекают от смысла.

культура: Споры о том, что в театре можно и чего нельзя, кипят уже не первый год. Вас часто задевают ограничения?

Бабенко: У меня пока не было ситуаций, когда что-то действительно вставало бы мне поперек дороги. А что касается общих запретов, то их сейчас так много, что диву даешься. Почему нельзя в кадре и на сцене пить или курить, если это есть в жизни? Эта кампания превратилась в морально-нравственное воспитание подрастающего поколения, вот только эффекта от нее немного.

культура: Время от времени по соцсетям прокатывается очередная волна зрительского гнева по поводу того или иного спектакля. Может, все дело в том, что публика нередко идет в театр просто посмотреть на любимого артиста, не имея ни малейшего понятия о том, что она будет смотреть?

Бабенко: На сайте театра всегда есть анонс с предупреждениями и ограничениями. Но далеко не всегда по описанию можно понять, что тебе предстоит увидеть. Так что для зрителя определенный риск есть всегда. И если кто-то уходит со спектакля — это нормально. Это право зрителя. Но это еще не означает, что постановка неудачна. Она просто не может нравиться всем. Говорят, что сегодняшний зритель разучился думать. Я с этим не согласна. Он все понимает и делает выводы. Он чуток к фальши и искренен в своих оценках. И это его право — оценивать. На Руси никогда не говорили, что артист работает в театре, он — служит. Я себя ощущаю солдатом. Очень опасно впасть в самоуверенность, что ты великий, на том лишь основании, что у тебя много ролей. То есть впасть-то можно, но не полезно. Это еще апостол Павла говорил, что человеку все позволено, но не все полезно.

культура: В кино Ваш послужной список гораздо внушительнее, чем в театре. Часто приходится отказываться от ролей?

Бабенко: Кино — моя слабость и моя любовь. Я же и в театр из него пришла. Отказываюсь каждый раз, когда понимаю, что тема мне неинтересна. Вот недавно пришла сценарий: опять про развод, про взрослых без ума, про страдающего от их глупости ребенка. И дело не в банальности сюжета, а в тривиальности подхода к нему. А хочется, чтобы и на обыденную тему у режиссера был нестандартный взгляд. Тогда и получается настоящее кино.

культура: Зимой отмечалось 90-летие Эльдара Рязанова. Вы снимались у него в «Андерсене», картине, которую, как считают многие, еще только предстоит оценить по достоинству. Как работало с Эльдаром Александровичем?

Бабенко: Эта картина выбивается из привычного представления о Рязанове. В этом все дело. После «Андерсена» он позвал меня в «Карнавальную ночь 2», подарив мне встречу с Гурченко и Чуриковой, Гафтом и Маковецким. Эльдар Александрович был удивительным человеком. У нас с ним была какая-то особая любовь друг к другу. И началась она с первой же встречи, когда он протянул мне руку и сказал: «Привет, Бабенко!» У него не было возраста. Вернее, он был таким абсолютным большим ребенком. А сколько энергии. И всегда треза, собран, дисциплинирован. Смотрела я на него и думала: вот что значит советская закалка. Я люблю предлагать режиссеру свои варианты. Не всем это нравится, а Эльдар Александрович тут же воодушевлялся: «Давай пробовать!» Он мог накричать на кого угодно, но никогда не повышал голоса на артистов. Они для него были драгоценностью.

культура: Сейчас так не снимают? Старые мастера уносят свои секреты с собой?

Бабенко: Снимают, но немногие. И секрета никакого нет. Точнее, он в том, что подготовка к съемкам была долгой и подробной. Разбирали роли, репетировали, просто разговаривали о жизни. Тщательно подбирали костюм и прическу. Персонажи из сценария становились живыми людьми и разговаривали со зрителем о важном. Сейчас все печется на скорую руку. Потом пиар-агентство нанимает «зрителей» и снимает «репортаж» с премьеры, записывая их восторженные отзывы о замечательной картине. Самое смешное, когда потом видишь тех же «зрителей», которые теми же примерно словами рассказывают уже о другой, не менее замечательной премьере.

культура: Театралов Вы порадовали, а чего ждать киноманам?

Бабенко: Вот-вот должна выйти в прокат картина Алексея Луканова под названием «Моя жизнь», где я играю маму подающего надежды молодого футболиста. Дело происходит в маленьком провинциальном городке, еще при СССР. Конечно, к грядущему чемпионату не мы одни подготовились, но мне эта лента дорога тем, что снимали ее как в былые времена — без спецэффектов, компьютерной графики и клиповых нарезки сюжета. Все «вручную». И все живую.

Не высший бал

Александр МАТУСЕВИЧ

В Большой театр вернулся вердиевский «Бал-маскарад».

Эта опера обосновалась на главной сцене страны весьма поздно. Два дореволюционных обращения в конце XIX века особого следа в истории театра не оставили, ибо те постановки прошли считанное число раз — даже несмотря на то, что в них пели такие звезды императорской сцены, как Мария Дейша-Сионичская, Антон Барца и Павел Холлов. Всерьез «Бал-маскарад» облюбовал подмостки Большого только в 1979-м — спектакль Семена Штейна в живописных декорациях Николая Бенуа не сходил со сцены четверть века, в нем пелили все великие голоса поздней советской эпохи, а состав Соткилава — Касрашвили — Мазурок — Образцова стал по-настоящему эталонным. И вот теперь театр решил вновь обратиться к этой романтической опере Верди, однако новый «Бал-маскарад» разительно отличается от прежнего.

Советская версия была слава прежде всего россыпью больших и выразительных голосов. В нынешней премьере штатные солисты поют лишь проходные или, как минимум не хуже того, что мы услышали на премьере. Новый «Бал-маскарад» не убеждает и как спектакль. Да и трудно ожидать адекватного прочтения от режиссера, который открыто декларирует свою нелюбовь к романтизму. Верди в последние годы, на приглашенных звездах, чье сияние зачастую весьма сомнительно.

Болгарская версия Юрия Крастева десять лет назад буквально заворожала Москву в партии Кармен (премьера версии Дэвида Паунтинга), хотя контрастная Ульрика ей объективно низковата. Артистка обладает магией сценического бытия, созданный

Надя Крастева — Ульрика

сделать из вполне понятного любовного треугольника саспенс и хоррор. Америка 1950-х, черно-белый стиль нуар, эффектный видеоряд с обилием машущего черными крыльями воронья — в центре сцены доминирует полупрозрачное огромное здание в колониальном стиле с портиком и колоннами. Изобретательно сделана сцена Ульрики, намекающая на цивилизационное противостояние Америки и Китая, интересен свет Антонио Кастро, органичны в избранной стилистике костюмы Марианы Фрагерой мелок и одномерен. Еще менее интересен итальянский тенор Джорджо Берруджи — голос не масштабный и не яркий, он с трудом справляется с акустикой Исторической сцены, хотя технически, в общем-то, подкован: ему бы зал покомпактнее, возможно, тогда бы его граф Ричард и про-

звучал достойно. С примадонной дело обстоит совсем плохо: Оксана Дыка (Амелия) обладает голосом сильным, но пронзительным и неприятным, ее визгливая агрессивная манера с неточным интонированием откровенно портила и без того не слишком радостный вокальный небосклон.

Не спасали положение и качественный звук оркестра и хора. Тем более что прочтение итальянского маэстро Джанкомо Сагрипанти трудно назвать интерпретацией — скорее, добротное капельмейстерство, ловкое собиранье воедино мозаичной по оркестровым задачам партитуре.

«Бал-маскарад» — вещь достаточно популярная, каждая ее мелодия на слуху, поэтому братья за такой материал стоит, лишь имея первоклассные певческие силы. Особенно если учесть, что еще всем памятно, как эта опера звучала в прежней постановке. Если у Большого нет возможностей приглашать действительно выдающихся исполнителей на главные партии, то не проще ли задействовать силы собственной труппы, львиная доля которой простаивает без дела или ездит по контрактам в другие театры России, ближнего и дальнего зарубежья? Ведь есть певцы разных поколений, способные озвучить этот опус, ну, как минимум не хуже того, что мы услышали на премьере.

Новый «Бал-маскарад» не убеждает и как спектакль. Да и трудно ожидать адекватного прочтения от режиссера, который открыто декларирует свою нелюбовь к романтизму. Верди в последние годы, на приглашенных звездах, чье сияние зачастую весьма сомнительно.

Болгарская версия Юрия Крастева десять лет назад буквально заворожала Москву в партии Кармен (премьера версии Дэвида Паунтинга), хотя контрастная Ульрика ей объективно низковата. Артистка обладает магией сценического бытия, созданный

«Перемена» к лучшему

Николай ИРИН

Сорок пять лет назад Центральное телевидение предложило зрителям четырехсерийный фильм Алексея Коренева «Большая перемена». Показ начался в последние числа апреля, приурочив ко Дню международной солидарности трудящихся.

Тема картины очевидным образом празднику приличествовала: речь шла о школе рабочей молодежи, о смычке пролетариев в лице рядовых сотрудников химкомбината с гуманитарной интеллигенцией, их школьными учителями.

«Большая перемена» завоевала огромную популярность и какое-то время плотно держалась в сетке государственного вещания. Однако по мере того, как образ пролетария-гегемона начал раздражать партийно-правительственную верхушку, картину из оборота изъяли. К концу 80-х ее если не забыли вовсе, то не воспринимали сколько-нибудь серьезно. «Перемен, мы ждем перемен», — нашумевший фильм, где прозвучал агрессивный саундтрек со сходным на первый взгляд рефреном, рассказывал уже о смычке богемы с криминалом. В 90-е мало кто согласился бы даже с тем, что «Большая перемена» имеет комический потенциал: в чести был юмор на грани фола, а тут в центре повествования кондовая советская «борьба хорошего с лучшим». Однако дальше случилось невероятное: в новом тысячелетии фильм Коренева превратился, пожалуй, в наиболее востребованный зрителями экранный продукт: ведущие телевизионные каналы ставят его в лучшее время с трудно объяснимой регулярностью. Недоброжелатели, подозревая, морщатся: «совки ностальгируют». Наверное, не без этого. И все-таки «Большая перемена» не просто документ эпохи или даже жан-

являющийся под песню Эдуарда Колмановского на слова Михаила Танича, олицетворяет собой не меньше, чем общенациональный порыв. Это завораживает даже того зрителя, которому кажется, что смотрит он всего-навсего набор шуток из жизни недорослей.

Повесть Георгия Садовникова «Иду к людям», которая в конце 60-х привлекла запоздалое внимание редакторов студии «Мосфильм», была придумана и написана гораздо раньше и отражала совершенно иную эпоху, родственной ей культурный образец, — шедевр ранней оттепели «Весна на Заречной улице». Во многом поэтому, как свидетельствуют мемуары участников съемочного процесса, мало кто серьезно относился к работе и мало кто сколько-нибудь на нее ставил. Более того, некоторые исполнители центральных ролей по сию пору стыдятся своего участия в ленте. А покойный Михаил Кононов, сыгравший роль учителя истории Нестора Севеорова, и вовсе полагал, что текст был несурзанным, а сюжет бредовым. Более того, Елена Алексеевна Коренева, прекрасная актриса, будет впоследствии казнить, что попросту стеснялась творений отца, которые в интеллигентской среде откровенно презирались. И даже внутренне протестовала, когда тот пытался присоединиться к ней и ее продвинутому кругу

анализом. Совсем простоватые обыватели, которых в избытке дает Корнев, отличаются тем, что принципиально не желают развития. Никакого. В этом их серьезная проблема и даже, если угодно, грех. Характерна, например, позиция Геннадия Ляпишева (Виктор Проскурин), который, в ответ на требование со стороны наставника Петрыкина (Ролан Быков) измениться, отвечает ключевой для понимания этого фильма репликой: «А я, может быть, хочу остаться таким, какой есть». Несколько иначе формулирует Григорий Ганжа в невероятном исполнении Александра Збруева: «Вот я, Григорий Ганжа, взрослый человек. За завод в волейбол играю, сам гитару освоил, девкам, понимаешь, опять же нравлюсь. Так почему же я, Григорий Ганжа, должен быть на кого-то похож?» Но здесь то же самое стремление остановить мгновение и, утонув в своей зоне комфорта, захлебнуться доступными удовольствиями.

Ровно тот же порок характерен для всех без исключения персонажей фильма, как гражданин, так и пролетарского происхождения. Поначалу всем доволен Петрыкин, у которого, кстати, есть даже косноязычие, но, по сути, точное обозначение своей позиции: «Я же не потому эгоист, что эгоист. А потому что — ну, вот кому это надо?» Нестор Петрович тоже поначалу высокомерен и привязан к своему эго: аспирантура, женитьба на «равной» по уму и статусу, сразу после — докторская, кафедра, монография, лауреатская, портрет на аллее героев-гениев. Жестко планирует Петя Тимохин (Савелий Крамаров). Не желает замечать изменений и соответствовать им Степан Семенович Леднев (Евгений Леонов), третирующая дочь на выданье, словно пионерку. Огромное количество ярко прописанных и виртуозно сыгранных персонажей, каждый из которых держится за собственную зону комфорта, будучи уверен в том, что там, где он обустроился, то есть почти что в самом низу социальной лестницы, никто не потревожит его душевного покоя и не нарушит милый сердцу жизненный распорядок.

И тут начинается реализация базовой метафоры, которую гениально сформулировал поэт Михаил Танич: «Радуга подковою — значит, непременно ждет нас что-то новое, ждет нас перемена». Кино о том, что Бог достает своим вниманием самые темные уголки человеческой вселенной, даже совсем уже заскорузлых парней с девушками, которые были в полной уверенности, что спрятались на самом-самом дне, что законсервировались. Большая перемена — это шанс на расширение социально-психологического горизонта и смену вектора движения. Большая перемена — это не временной отрезок, данный для того, чтобы покурить в туалете или перехватить бутерброд, а неизбежная трансформация, которую обеспечит жизненный поток наперекор твоему нежеланию меняться. Не отсидишься в курилке, пивнушке, аспирантуре или учительской — открывай миру добровольно. Сравните агрессивный волонтеризм позднейшего послыа «перемен, мы ждем перемен» с тем умным смирением, которое культивирует на глубине своего беспрецедентного сюжета Алексей Корнев.

Высокая мудрость корневской конструкции: десятки персонажей даны людьми яркими, наполненными, в режиме предельной выразительности — прощала, даже и заигрывала с ним, а вот Корневу, давшему жизнь людям в режиме «увлекательный праздник», нет. Так или иначе, по причине того, что интеллектуальная прослойка стесняется почвы и соответственно импортирует малопомятое ей чужое, отечественное образное строительство по сию пору торжествует.

На самом деле, в основании «Большой перемены» лежит совсем не высосанный из пальца сюжет, как опрощенно высказался один склонный к духовности кинематографист, а остроумная метафора, подкрепленная ювелирной точности социально-психологическим

Танцы вокруг Толстого

Елена ФЕДОРЕНКО

Вручены награды XV юбилейного конкурса артистов балета «Арабеск» имени Екатерины Максимовой, который проходит в Перми раз в два года.

Первый «Арабеск» состоялся тридцать лет назад. Успех любого хореографического зрелища зависит от главного лица. У пермского их два — легендарный дуэт Екатерины Максимовой и Владимира Васильева. Имя великой балерины теперь присвоено «Арабеску».

Юбилейное соревнование собрало более 200 соискателей из 16 стран (помимо бывших республик СССР, на дзюльевский землю приехали юные таланты из Германии, Ирландии, Бразилии, Израйля, Монголии, Республики Корея, Японии) и 19 родов России. Просмотреть такое огромное количество участников — нешуточное испытание для жюри, возглавляемого художественным руководителем конкурса Владимиром Васильевым. Город на Каме гордится своим «Арабеском», который взят под патронат ЮНЕСКО, и неудивительно, что показы проходят при шумной поддержке зрителей, призовой фонд включает немало поощрений от местных организаций. Еще «Арабеск» славится своим демократичным нравом и просветительской миссией.

Открытие «Арабеска» — неизменный сюрприз от Владимира Васильева. На сей раз хурук срифмовал имена двух гениев: Мариуса Петипа (его 200-летию конкурс посвящен) и Льва Толстого, который, как известно, балет недолюбливал. Васильев, одержимый танцем смысленным, несколько лет назад основал свою передвижную мастерскую, где молодые хореографы получают задание по пластическому горизонту и освоению образов большой литературы. Публика разных городов уже видела опысы по Андрею Платонову, Виктору Астафьеву, Василию Шукшину, Николаю Гоголю. Теперь — проза Толстого. Рассказ автора идеи любопытен:

«Петипа и Толстой — современники и долгожители. У них разница в возрасте всего десять лет. Оба творили в России второй половины XIX века и ушли из жизни в один год. Похороны Толстого собрали тысячи человек, а за гробом Петипа шли всего несколько его товарищей».

Шесть хореографов представили небольшие эскизы по тем

толовским произведениям, что еще не появлялись на балетной сцене. Алексей Расторгуев в «После бала» порассуждал о том, как случай может повлиять на судьбу. Душевные переживания героев повестей «Хозяин и работник» и «Крейцера соната» увлекли Константина Кейхеля и Дмитрия Антипова. Морок вечных вопросов, сомнений и страхов — в «Записках сумасшедшего» Александра Могилева. Юлия Бачева занялась привычными разрушениями личности в зарисовке по позднему «Дьяволу». «Севастопольские рассказы» вдохновили Павла Глухова, его «Молох» с одинокой повозкой, алой зарей и мальчишками, брошенными в военное пекло, запомнится надолго.

В первом отделении правил бал Петипа, представленные хозяевами — учениками Пермской балетной школы, артистами театра и лауреатами предыдущих состязаний в городе на Каме. Шквал аплодисментов достался нежному дуэту Инны Биляш и Никиты Четверикова и Ренате Шакировой и Кимину Киму, обладателю Гран-при конкурса 2012 года.

Конечно, главная задача конкурса — открывать артистические таланты. Но, помимо прямого сюжета, есть и иной, более глубинный: зритель показывает, куда движется искусство балета. Среди главных тенденций — крепкое освоение высокой техники и поиски индивидуальности. Уровень профессионализма стал заметно выше, а вот раскрытие актерских дарований для большинства — дело будущего. Звездных взлетов не случилось, поэтому и Гран-при остался невостребованным.

Конкурс проводился в двух группах — младшей и старшей, у каждой — свой комплект медалей. Две женские золотые награды отправились в Корею: обе воспитанницы Сеульской школы Ким Ю Чин и Сон Чон Ын танцевали естественно и стабильно. Первую мужскую премию разыграли россияне. Никита Ксенофон-

«Петипа и Толстой — современники и долгожители. У них разница в возрасте всего десять лет. Оба творили в России второй половины XIX века и ушли из жизни в один год. Похороны Толстого собрали тысячи человек, а за гробом Петипа шли всего несколько его товарищей».

Шесть хореографов представили небольшие эскизы по тем

«Веснянка»

«Мой милый Сердан»

чил премию за исполнение современной хореографии.

Команда пермских юношей оказалась многообещающей. Ученики Данила Хамзин («золото» среди юниоров), его брат-близнец Алексей Хамзин («серебро»), дипломанты Иван Сурашвили и Иван Сурашвили («бронза»), дипломанты Иван Сурашвили и Иван Сурашвили («бронза») запомнились легким полетным прыжком и удлинёнными линиями.

Особая статья, начатая бразильцами «Арабесками», — бразильцы на пермской арене состязаний. Молодая балетная школа Большого театра в городе Жюинвилль готовит отличных выпускников. С трепетным экстазом зрители наблюдали за танцем и статные бразильцы по-прежнему знают мир классического танца и отнюдь не робко с ним себя соотносят. Изысканный артистизм отличал образы медалистов Майтэ Нунэс и Маркоса Яго, дипломантов Луанны Гондим и Габриэля Лопеса. Их имена стоит запомнить — они скоро появятся на афишах российских театров, ребята уже получили приглашения от нескольких трупп. Поразительно, что именно бразильский дуэт отметили призом «За лучшее исполнение номера на музыку Петра Чайковского».

Не только бразильские питомцы, но и японцы, и корейцы мечтают о работе в России. 13-летней Хомаре Кавани придется несколько лет подождать, но уже сегодня арбитры отметили ее безошибочную технику и взрослую серьезность, она честно заработала свою бронзовую медаль.

Обратили на себя особое внимание две пары. Челябинские солисты Виктория Дедюлькина («серебро») с феевским вращением и бисерными па легких ног и Валерий Целищев, названный лучшим партнером, не участвовавшим в конкурсе. Неприятные тонкие отношения выстраивали в танце молодые лидеры Уфимского балета Софья Гаврюшина и Рустам Исхаков (оба завоевали «бронзу»). Серебряный призёр Юрий Выборнов, солист Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, танцевал с юной Екатериной Клявдиной из школы «Гжель». Отме-

тим, что питомцы альтернативных негосударственных школ проявляют культуру, стиль, грамотную основу. Они перестали считать себя аутсайдерами и танцуют смело, ярко, на равных со всеми. Это и изрядная дипломантка Мария Полунина из московской «Армады», и с хорошей культурой ученики Иерусалимской школы имени Нины Тимофеевой, где деда знаменитой матери — примы-балерины Большого театра его «золотого века», — продолжает ее дочь Надежда Тимофеева.

Соревнование в современной хореографии на «Арабеске» дано отдельно, поощряются не только постановщики, но и исполнители. В этом конкурсе-спутнике произошел перелом. Ушли в прошлое недавние времена, когда соискатели невнятно объясняли на языке contemporary dance. Его уже достойно освоили, но, увы, пока не все поняли, что он способен выразить не только босонogie терзания и страдания с голым торсом и заламыванием рук. Один из номеров назывался «Нечего сказать», и этот честный слоган можно применить ко многим опусам. Такие живые, милые, улыбающиеся в закулисной жизни юные творцы в своих сочинениях теряют остроту и наблюдательность, подчас им просто не хватает дерзости открывать новое. Задача, конечно, сложная: за четыре минуты создать вселенную человека, наполнить ее атмосферой, выстроить конфликт, выразить характеры, охватить пространство. Но без этого и не стоит браться за хореографию.

Лауреатами балетмейстерского конкурса стали Алексей Расторгуев за мужской дуэт «Vis-à-vis» и не менее талантливый юмор диалог «Мой милый Сердан» под Эдит Пиаф —вольная фантазия на тему любви боксера и певицы; Мария Маркунина — за надменный, всплывший и трагический монолог «Иуда Искариот». Выдержал конкуренцию нежный рассказ Сарьяна Сулейманова «Не покидай меня» — о том, какова ценность простой жизни, где дышит любовь.

Отдельная группа номеров — танцы под песни. События иллюстративности в счастье избежал Константин Матвеевский в номере «Выйду ночью в поле с конем» на композицию Игоря Матвиенко. Елизавета Чернова отмечена жюри прессы за лукавую и простодушную зарисовку под музыку Вивальди «Королевская двойня». Среди любопытных опытов — номера пермячки Арины Панфиловой, москвички Софьи Гайдуковой и челябинский десант молодых хореографов, где мидировали Денис Чернышов и Татьяна Крицкая.

Все десять дней творческая жизнь в замечательном театре на берегах Камы кипела, любящие проблемы решались быстро и четко — команда конкурса под руководством директора Елены Завершинской работала оперативно, точно, доброжелательно и талантливо. В это же время в Пермской художественной галерее экспонировалась выставка живописи под названием «Танцующая кисть Владимира Васильева», посвященная 60-летию творческой деятельности мастера. В акварелях, печальных и радостных, нет ни отчаяния, ни слез. Такой неведомый талант уения танца — находить прекрасное в окружающей жизни, радоваться тому, что имеешь, и неброский ландшафт наполнять волшебным счастьем.

1 Она вышла замуж за лейтенанта и стала женой генерала — как в идеальном любовном романе. Вот только характер у Тараканова оказался совсем не сахар. Он всегда был упрямым, неуступчивым, непокорным. Именно из-за своей строптивости Николай Дмитриевич так и не стал Героем Советского Союза. Хотя все, кто были с ним в одно время на АЭС, в то страшное лето 1986 года, по праву носят Золотые Звезды. За Чернобыль он получил только орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» II степени. После землетрясения в Армении — орден «Знак почета».

С Зоей вместе они пережили две последние великие трагедии уже клонившегося к закату XX века — Чернобыль и Спитак. Она всегда была вместе с ним. За тысячи километров от эпицентра катастроф, два раза в неделю — чаще не получалось, в далекой Москве бросалась к трубке телефона, когда звонил: «Зюнька, дружок мой, как ты там?»

«А если бы сказала «не уходи, я боюсь за тебя», Вы бы остались, послушались? Ради любви?» — спрашиваю я теперь у генерала. «Нет. Не послушался бы и не остался», — качает он головой.

Кино и танцы

Танцы на Новый год в воронежском пединституте. Николай пришел с подругой, с которой общался еще со времен училища: хорошая девушка, но душа к ней почему-то не лежала. Ему представили Зою — мягкая, улыбающаяся, тихая как река, студентка медицинского института. Она любила стихи. Ему нравилось их читать. И не только произведения великих — Пушкина, Есенина, Тютчева, но и свои: «На реке весна ломает / Лыдины серебристые. / Ты — любовь моя земная, / Непорочно чистая». Тогда многие писали. Лейтенанты не исключение. Удивительно то, что Тараканов посвящал рифмованные строки своей Зое Ивановне шестьдесят лет подряд.

«После танцев я напросился проводить до дома, — вспоминает Николай Дмитриевич. — Был тихий зимний вечер, мы на трамвайчике доехали до Транспортного переулка, где она жила на квартире. На следующий день встретились снова. Ходили в кино, на танцы, к ее знакомым».

О таких романах в Советском Союзе снимали фильмы, сверстники Зои и Коли строили коммунизм, а в рабочий подполье — любовь. И все было невинным, прозрачным, как небо над головами. Поколение, выросшее на «Высоте», «Девичатах», «Весне на Заречной улице». Непримиримые идеалисты и романтики.

Через две недели Зоя провожала Николая к новому месту службы — в Харьков. «У нас проявились глубокие чувства друг к другу, началась переписка, полная ожидания...»

В июне 1958-го на встречу с любимой девушкой Николай пришел в новой парадной офицерской форме. «Мне очень шел мундир мышиного цвета с галунами, кортик и белые перчатки, — вспоминает он. — Мы впервые расцеловались... Да, да, до этого между нами ничего и не было, кроме ласковых слов. Каюсь сразу: инициативу пожениться проявила Зоя. Я вроде бы немного и сомневался, не потому, что ее не любил, просто молодой был — 21 год, не нагулялся. Но моя мама и двоюродная сестра настояли, что лучше нее я никого не найду».

Военных расписывали быстро. Свадьба в Воронеже состоялась в тот же день, 27 июня 1958 года, а назавтра молодые уже гуляли в садах донского села Гремячей, на родной родине мужа.

Борщ в чайнике

От недостатка кастрюль семейный борщ варили в чайнике. Зимой 1959-го Николая перевели служить в Краснознаменный полк МПВО. Зоя приехала к нему погостить на студенческие каникулы. Выделили комнату в трешке, где проживали еще две офицерские семьи. Купили никелированную кровать с шпильками и радиолю.

После получения диплома жена переехала к нему совсем. «Кочевая жизнь настала, все время были в разъездах, — вспоминает генерал. — Сменили четыре квартиры, под Саратовом жили долго. Зою назначили главным врачом района, до больных она добиралась на узике, в любую погоду, и если кто-то из наших гарнизонных детей заболел, тут же стучали к ней: «Помоги!»

Зоя Ивановна было 28 лет. В 1960-м родилась единственная дочь Лена. «Любимое наше создание». На спор с женой поступил в гражданский автотранспортный институт по специальности «инженер-механик» и окончил его заочно не за шесть лет, а за четыре. Учился в Москве в адъюнктуре Военно-инженерной академии имени Куйбышева, защитил две диссертации, кандидатскую и докторскую.

«Как-то саратовское руководство, увидев, как я практически с нуля обустроил военный городок, предложило мне уволиться из рядов вооруженных сил и возглавить областное строительное управление. Пообещали даже уло-

Обрученные Чернобылем

мать начальника гражданской обороны маршала Чуйкова, чтобы тот меня отпустил. Но я отказался», — гордится Николай Дмитриевич.

Встречу с самим Василием Чуйковым он запомнил надолго. Тараканов перевели из Саратова в только что открывшееся Московское высшее военное училище гражданской обороны на преподавательскую работу. «Он встретил меня как сына, обещал во всем поддерживать, — говорит генерал, — уже потом мне помощник рассказывал: к тем, кто до майора, маршал относился как к родным детям, зато старших по званию офицеров, начиная с подполковника, нещадно бранил за любую оплошность».

Все 35 лет службы он спасал мир. Жена его ждала. У генерала бывало по двести дней командировок в год

Зоя Ивановна переезжать в столицу из провинции сначала не хотела. Привыкла, сроднилась с людьми. Но ничего не поделаешь — куда иголка, туда и нитка.

На работу ее взяли в знаменитую «Кремлевку» — Центральную клиническую больницу Четвертого главного управления при Министерстве здравоохранения СССР, врачом в детское отделение. Позже доросла до заведующей инфекционным.

«Многие дети первых лиц, членов Политбюро, лежали у нее, — вспоминает Николай Тараканов. — Особенно добрые отношения сложились с Гейдаром Алиевым. Даже когда тот попал в опалу, с приходом к власти Горбачева, Зоя продолжала общаться с семьей, по-прежнему как врач наблюдала внуков. Об этом донесла Чазову, тогдашнему начальнику 4-го Управления, будущему министру здравоохранения. Он пообещал Зою уволить, но она была отличным специалистом, и ее оставили, несмотря на сплетни».

Николай Дмитриевич вспоминает, как однажды жена вернулась домой сама не своя. К ним пошла внучка Михаила Горбачева. Ее навещали бабушка Раиса Максимовна и мама Ирина и пожаловались на самый верх, что, дескать, остатки еды персонал заспавывает халтурой и тут же выбрасывает, вместо того чтобы использовать их в условиях дефицита продовольствия. «Зоя прямо сказала Чазову: вы что, не понимаете, что это инфекционное отделение? Как можно кормить пищей после заразных детей, пусть даже и свиной?»

Евгений Чазов, по словам Тараканова, смутился и извинился. Попросила прощения у детского доктора за то, что не совсем верно поняла ситуацию, и «первая леда». «Такие тогда были порядки. Потом, в 90-е годы, при Ельцине, все стало иначе. Его внуки тоже лечились у Зои, а сам Борис Николаевич был для нее просто небожиком, пока не проявился его отрицательные качества, — продолжает генерал Тараканов. — Пошла эта новая сволочная «элита», которая думала, что за деньги можно все. Принесли же тортик из магазина в подарок, а сами ждут, что она начнет перед ними расклинкиваться. «Да подавиться вы своим тортиком, у меня муж генерал!» — не выдержала она такого отношения и в конце концов ушла на пенсию».

Николай Дмитриевич отлично копирует повадки новых хозяев жизни, но все-таки не верится, что Зоя Ивановна была способна хоть кому-то, пусть даже и самому неприятному человеку, так ответить. Это, скорее, из арсенала генерала Тараканова.

«Я нервный, потому что пережил Чернобыль. Лучевая болезнь, она ведь никуда не ушла, сижу и чувствую до сих пор, как руки изнутри будто жжет иголками, кожу огнем прожигает», — рассказывает он. Снова и снова терпит вспышки сплетни, тиражируемые в СМИ: «Говорили о том, что именно я чуть не лично пустил Раису Горбачеву погулять по крыше реактора, когда она с мужем приехала в Чернобыль. И якобы

из-за этого она заболела лейкозом. Да не было такого! Они с мужем действительно были на месте аварии, но много позже того, как я там командовал».

Крыша реактора

Весной 86-го они с Зоей собирались на отдых в Крым. Казалось, жизнь вышла на финишную прямую: генеральские погоны, дача, квартира, ученая степень... И пусть до пенсии еще далеко, но все главное сделано, дочь выросла, пойдут внуки. Но в отпуск так никто и не отправился. «Появились данные, что радиационное облако идет в сторону столицы. Я месяц пахал как проклятый, не ел, не спал. Занимался контролем уровня радиации по всей РСФСР. В первую очередь в Москве, Брянске, Воронеже, Липецке».

У цезия период полураспада тридцать лет, у плутония — десятки тысяч. В поездке Москва — Киев, кроме их группы офицеров, никого больше не было. Слухи распространялись быстрее правды, проводница всю дорогу громко ахала: «Куда же вы, хлопчатики, едете, на верную смерть!»

Жене позвонил по прибытии. До эры мобильных телефонов оставалось чуть больше десяти лет, но телефонию обеспечивала армия, быстро развернула специальные мобильные пункты связи: «Каждый офицер имел возможность поговорить с родными. Хотя по законам военного времени часто не получалось».

Зоя тихо выдыхала в трубку: «Только береги себя». Сердцем чувствовала, что он все равно полезет в самое пекло. Мужчины такие упрямые. Лучшие из них. Тараканов честно признается: не был тогда уверен, что хоть раз еще удастся повидаться с женой.

Ночью от саркофага шло загадочное свечение. Боялись, что начинается цепная реакция, что это конец. В ГАР заказали роботов, которые должны были очищать зараженную зону, но те сразу вышли из строя. 16 сентября 1986 года правительственная комиссия подписала постановление: привлечь к уборке ядерного топлива добровольцев. 3500 человек откликнулись на призыв государства.

«Если бы делали без ума, то все рядовые были бы смертниками. Так же, как погибшие по глупости пожарные, которые сразу после взрыва тушили реактор голыми руками. Но мои под-

чиненные не бывали на крыше больше двух раз, чаще — один, очень короткое время, и только трое залезли туда трижды, хотя Героя им тоже не дали».

Правительственная комиссия по ликвидации последствий засела в помещении, обитом свинцовыми листами. Тараканов потребовал от ее главы, зампреда Совета министров СССР Бориса Щербины, чтобы листы отдали как дополнительную защиту солдатам. Бойцы 25-й Чапаевской дивизии нарезали их «рубашками» на грудь и спину, делали каски и плавки из свинца.

Хоронить по-христиански

Ломила голова, заканчивались силы, из носа и десен сочилась кровь, кожа на щеках рвалась от бритвы. Все это были нехорошие признаки. Тараканов понимал, что схватил критическую дозу, но гнал от себя эту мысль прочь.

«Однажды я вышел к машине и потерял сознание, — рассказывает он. — Меня срочно отправили в Киев, в такую же элитную «кремлевскую больницу», как и у нас в Москве, только на Украине она называется Феофанией. По данным анализов, во мне было более двухсот бар облучения. Смертельная доза — от шестистот».

Он думал, что спит, когда жена вошла в палату и положила ему на лоб свою прохладную руку. Тихо прошептала ей: «Извини, Зюечка, не уберегся». «Какой же ты, Коля, дурак», — а сама плачет. Прилетела специально из Москвы в Киев к нему.

Она как врач прекрасно понимала, что муж почти обречен. Его могло

бина, лично привез мне правительственную награду. А я в него этот орден обратно и запустил. Зачем он мне нужен? Какая разница, что понесут передо мной, лежащим в гробу, на красной бархатной подушке?»

Его спасло обыкновенное чудо — жена, положившая жизнь и карьеру ради мужа. Служить уже не хотелось. «Все порывался уволиться, но когда грянуло землетрясение в Армении, внутренний голос подсказал мне: ты снова должен быть там. Я ведь доктор наук в области ведения спасательных работ в очагах ядерного поражения. Спитак — это не последствия ядерной войны, конечно, но завалы-то и руины везде одинаковые», — вспоминает генерал.

Еще не придя в себя от последствий лучевой болезни, получивший инвалидность, прошедший долгое лечение в Америке и в Японии, Тараканов рванул откапывать живых и мертвых в Спитаке в декабре 1988-го.

«Спитак оказался куда страшнее Чернобыля! Разорванные тела, стоны под руинами... Поэтому нашей главной задачей было не только помочь и вытащить из завалов живых, но и достойно проводить погибших. Мы фотографировали и фиксировали в штабной альбом все неопознанные трупы и закапывали их под номерами. Затем опознанных изымали из могил и хоронили уже по-людски, по-христиански. Продолжалось это на протяжении полугода», — много позже написал Николай Дмитриевич в своих воспоминаниях.

Все 35 лет службы он спасал мир. Жена его ждала. У генерала бывало по двести дней командировок в год. Поэтому их медовый месяц так никогда и не закончился. Он виделся с женой даже реже, чем с подчиненными. На 50-летие их супружеской жизни подарил Зое Ивановне толстую книгу, в которую включил все стихи, посвященные ей, пока они были в разлуке.

«Заберу меня отсюда»

«Ты всегда придавала мне силы, когда я чувствовал, что их больше нет», — напишет он в одном из многочисленных писем. Она отвечала. У Зои Ивановны каллиграфический, совсем не докторский почерк, четко и округло выведена каждая буква в слове: «Колеша, я так скучаю по тебе, просто невозможно, я уверена, что ты и впопыхину так не скучаешь по мне. Милый, хотя бы нам снова побыть вместе». Самая верхняя стопка пожелтевших конвертов — год 1959-й.

Пять лет спустя после Чернобыля генерала пригласили отметить дату. В этот раз он взял с собой Зою. Станция была уже дезактивирована, окрестности безлюдны. Опасаться было нечего. Страна рушилась, 1991 год — период полного распада государства закончился гораздо быстрее, чем полураспад радиоактивных изотопов.

«Иногда мне становится страшно: вдруг то, что произошло потом, ее болезнь — результат нашей поездки в Чернобыль? Мы же ходили в ту столовую, смотрели, где я жил, как все вокруг изменилось. Вдруг это я во всем виноват?» — спрашивает у меня боевой генерал. Он ждет, что я отвечу ему «нет». И я отвечаю: «Нет». При чем здесь Чернобыль? Просто время пришло. Последние годы они постоянно были вместе, вдвоем, под ручку — может быть, впервые за всю свою долгую семейную жизнь.

«Тромб ее погубил в итоге. Оторвалась и закупорилась. Ей еще десять лет назад вшили кави-фильтр в аорту, чтобы улавливать эти чертовы густки. Я виной врачей, погорелся с близкими. Наверняка можно было сделать хоть что-то, чтобы ее спасти. Ну и что, что 82 года, я ведь жив», — говорит он.

Ее операцию перенесли на три дня. И теперь уже Тараканов, как когда-то она, ездил каждый день в больницу. «Зюенька ночью хотела уйти, — вспоминает Николай Дмитриевич. — Представляешь, встала прямо к скапельнице и пошла в коридор. Ее еле остановили. Когда я приехал к ней, она меня еще узнавала: «Коля, Коленька, заберу меня отсюда, я так скучаю, я хочу к тебе».

Вернулся домой, а в половине третьего ночи мне позвонили, Зоя Ивановна умерла. До 60-летнего, Бриллиантового юбилея свадьбы, оставалось меньше года.

«Мне как генералу, орденосцу, давно еще выделяли место на Троекуровском кладбище. Прекрасное — среди министров и военачальников. Первым должен был уйти я, конечно. Я же мужчина. В прошлом году выбрали проект памятника из мрамора — очень красивый. Мы с ней часто туда ездили. Теперь хожу один, но место-то для двоих», — вздыхает он.

Кот мнукает на кухне. Все так, будто жена вышла ненадолго, но скоро вернется. Чистота как в операционной, раскрытая книга на столе, фрукты в вазе, старые фотографии... И завтра снова приедут в гости внуки, как и обещали. Три раза в неделю они навещают деда, чтобы тот не скучал.

Но что он за генерал без своей генеральши?

Сергей Тараканов:

«В России слишком верят в иностранный тренерский гений»

25 апреля исполнилось 60 лет одному из самых результативных форвардов в истории ЦСКА и сборной СССР Сергею Тараканову. Одаренный баскетболист громко заявил о себе в семнадцать лет в ленинградском «Спартаке». Спустя четыре года без него уже нельзя было представить Центральный клуб армии и национальную команду. За долгую карьеру Тараканов выиграл множество трофеев, а главную победу одержал на Олимпиаде-88. Накануне юбилея в интервью «Культуре» спортсмен вспомнил сеульский успех, противостояние с американцами и рассказал о взаимоотношениях с главными тренерами страны Кондрашиным и Гомельским.

культура: Во времена Вашего детства баскетбол в стране не был так популярен, как после знаменитой победы сборной СССР на Олимпиаде в Мюнхене. Почему решили пойти именно в эту секцию?

Тараканов: С тех пор как стал осознанно интересоваться спортом, баскетбол выделял для себя сразу. Хотя в Красноярске эта игра находилась на задворках. Значительных достижений у местных команд не было. Сейчас в Единой лиге ВТБ играет «Енисей», в составе которого нет своих воспитанников, но в мое время и такого клуба не было. Тем не менее любовь к динамичной игре засела во мне крепко, и я твердо решил, что хочу заниматься баскетболом. Будучи «совой», всегда с трудом поднимался по утрам, но в день соревнований вставал раньше родителей, утюжил форму и с радостью бежал в зал. Нас тренировал настоящий энтузиаст своего дела Василий Васильевич Репита. Преданным отношением к любимому делу он мотивировал и помогал добиваться прогресса на площадке. За это ему отдельная благодарность. К слову, он до сих пор здравствует и всегда готов дать полезный совет.

культура: Как состоялся Ваш переезд в Ленинград?

Тараканов: Тогда чемпионат РСФСР был разделен на зоны. Наша команда попала в финал Сибири и Дальнего Востока. Решающие матчи проходили на юге страны — в Прохном. Занял шестое место, это стало определенным успехом. Я уже был на виду, и до Владимира Кондрашина дошли слухи, что есть в Красноярске «такой парень». За мной отправился гонец Юрий Николаев, который в городе на Неве работал с юниорами. Причем узнавать, где я живу в Красноярске, тренер пошел в горсправку. Ему дали десятков адресов. С третьей попытки он попал в цель. Я был дома и сам открыл дверь. Можно сказать — судьба. Этот же вечером Николаев пошел на наш матч. Потом поговорил с родителями, и уже через три дня я отправился в Ленинград.

культура: Значительные перемены в жизни для обычного советского школьника...

Тараканов: Да. К тому моменту окончивший десятый класс, и мама настраивала меня на золотую медаль, чтобы без экзаменов мог поступить в Москве или Ленинграде, где они с отцом учились. Но, видимо, Николаев сумел найти слова, убедившие родителей отпустить меня в другой город раньше времени. Мы с сути беседы не разговоривали, но я практически уверен, что тренер пообещал определенные льготы при поступлении в вуз. О деньгах тогда не говорили. Мысли были заняты исключительно игрой. Когда в шестнадцать лет в Ленинграде подписал трудовой договор, по которому получал 120 рублей в месяц, то был искренне удивлен, что за игру в баскетбол мне еще и платят.

культура: После окончания спортивного интерната в Северной столице Вы поступили в кораблестроительный институт. Неожиданный выбор для спортсмена.

Тараканов: Продержался там два года. Я привык успевать в учебе, но с постоянными разъездами и тренировками это было непросто. Поэтому перевелся в Институт физической культуры имени Лесгафта.

культура: Карьера в «Спартаке» развивалась стремительно?

Тараканов: Владимир Кондрашин начал ставить меня в основной состав уже в 17 лет. Я отвечал результативной игрой. Процесс адаптации проходил быстро. Начал серьезно заниматься в 14 лет, а через четыре года уже выходил на площадку в майке сборной СССР.

культура: В 1979-м в ЦСКА перешли по собственному желанию или попали под «призыв»?

Тараканов: Никого в армейский клуб силой не тащили. Это все байки, чтобы оправдаться перед городом и командой, из которой игроки уходили. Спортсмены — амбициозные люди и всегда хотели выступать за один из лучших коллективов Европы. Возможно, это не касалось литовцев, но у них был свой взгляд на жизнь в Союзе. Поэтому уходил в ЦСКА осознанно, с мыслями, что если смогу там заиграть, то, значит, способен в баскетболе на многое. Я еще застал великое поколение олимпийских чемпионов 1972 года — Белова, Едешко, Жармухамедова. В расцвете находились Мышкин, Еремин, Коваленко. В окружении таких мастеров быстрее прогрессируешь и выходишь на новый уровень.

культура: Помимо желания выступать за ЦСКА, на Ваш уход из «Спартака» повлияли и сложные отношения с Владимиром Кондрашиным?

Тараканов: Всегда с трудом переносил абсолютный диктат со стороны других людей. Кондрашин, как и большинство тренеров того времени, подходил под определение «тихого диктатора». Он считал, что молодых нужно постоянно воспитывать, в том числе и крепким словом. Я «сачком» никогда не был и всегда вы-

полнял задания наставника без дополнительных понуканий. Плюс включался юношеский максимализм, который не позволял терпеть грубые выпады или несправедливость в свой адрес. Был и еще один момент. Александр Гомельский стал вызывать меня в сборную. Ездил на турниры, в том числе и за океан, показывал хорошую статистику. И так получалось, что после возвращения из сборной несколько раз пропускал матчи «Спартака» по стечению обстоятельств. Травмы беспокоили. Однажды вырвали зуб, пошло воспаление, температура под сорок, а на следующий день игра...

В окружении Владимира Петровича находились нечистоплотные люди, в том числе и местные журналисты. Стали ему наговаривать, что Сергей за Гомельского играет, а за тебя не хочет. В прессе появилось несколько колекких статей. Мне стало обидно, ведь всегда душу вкладывал в баскетбол и никогда не делил матчи на важные и не очень. Поразмыслив, решил принять предложение ЦСКА, хотя в иной ситуации, может, и остался бы в «Спартаке».

Нельзя отрицать и материальную сторону перехода, хотя она никогда не была для меня определяющей. Но в Ленинграде долгое время жил с мамой в коммуналке и еще семью соседями. Потом дали маленькую однушку. Спал на кухне, на раскладушке. Как бы маму ни любил, но, сами понимаете, взрослому парню надо устраивать личную жизнь, а возможности получить собственное жилье просто не было. Перспектив не просматривалось даже в отдаленном будущем. К сожалению, в отличие от того же Гомельского тренер «Спартака» не обращал внимания на бытовые проблемы. Владимир Петрович вырос в суровых условиях и считал, что мы и так хорошо живем.

культура: Ваш переход в ЦСКА был подан как усиление базового клуба сборной в преддверии домашней Олимпиады. Наша команда в отсутствие американцев считалась безусловным

фаворитом, но в итоге только «бронза». Почему не удалось победить?

Тараканов: На мой взгляд, нас подвели тактические просчеты. В большинстве матчей мы действовали очень медленно, преимущественно с двумя высокими центровыми. Хотя ЦСКА и сборная СССР всегда играли в подвижный баскетбол, а здесь наступили на горло собственной песне. Александр Яковлевич, похоже, до старта Игр не сомневался в победе. Много энергии потратил на пропаганду нашего вида спорта, приложил титанические усилия, чтобы на открытии с факелом олимпийскому огню по ступенькам бежал Белов, хотя выдающихся претендентов на столь почетную миссию, помимо Сергея, выдвигалось достаточно.

В итоге уступили в тяжелом матче Италии, а потом и в дополнительной пятиминутке югославам. Но в оправдание могу сказать, что выводы из неудачи сделали. Через год на чемпионате Европы в Чехословакии практически тем же составом взяли «золото». Команда буквально летела по площадке. Тех же итальянцев и югославов обыграли крупно. Причем последние — дважды по ходу турнира. В следующем сезоне победили на чемпионате мира. В финале, как и десятью годами ранее наши предшественники, одолели сборную США с разницей в один балл.

культура: Два главных успеха в истории отечественного баскетбола — победы на Олимпийских играх 1972 и 1988 годов. Первая стала легендарной, о второй говорят меньше, хотя в Сеуле вы уверенно обыграли в полуфинале американцев, а в решающей встрече разобрались со звездной сборной Югославии.

Тараканов: Думаю, не стоит сравнивать эти два триумфа. Можно сказать, я вырос на играх знаменитых мастеров 1970-х. Серьезно начал заниматься баскетболом в год мюнхенской победы. В то время испытывал феноменальный эмоциональный подъем, как и тысячи других

мальчишек в стране, которые пошли записываться в специализированные секции. К слову, по своему сценарию поединки с американцами были схожи. Мы тоже вели от первой до последней минуты, но, к счастью, избежали драматичной концовки. А что касается Мюнхена, то итог встречи был справедливым. Наши полностью заслужили «золото».

культура: Некоторые триумфаторы сеульской Олимпиады позднее отправились в НБА — Сабонис, Волков, Марчеленис. Когда это стало возможным, Вы уже заканчивали карьеру. В противном случае могли бы попробовать свои силы в сильнейшей лиге планеты?

Тараканов: Конечно. Мог бы играть в НБА уже после чемпионата Европы 1979 года, когда меня признали лучшим молодым игроком континента. Выступил ярко и был бы среди первых номеров драфта, поскольку для заокеанской лиги такие моменты много значат. Но в то время об отъезде не могло быть и речи. В 1988 году сборная СССР играла три матча с «Атланта Хокс» — одной из лучших команд НБА. В этих поединках был самым результативным, в победной встрече набрал 29 очков.

культура: В наше время складывается впечатление, что в США едут все кому не лень. Огромная машина перемалывает в своих жерновах массу европейцев, которые не солоно хлебавши возвращаются в Старый Свет, где выглядят слабее, чем до своего отъезда.

Тараканов: НБА — своего рода гигантский пылесос. Если раньше лига была слишком замкнута, то сейчас, напротив, широко распахнула двери. Во главе угла стоит коммерческий интерес. Чем больше иностранцев, тем успешнее они продают по всему миру майки, кепки, различные сувениры. Если на горизонте появится сносно играющий китаец, то они его с удовольствием примут, поскольку для них откроется огромный азиатский рынок — как это было десять лет назад с центровым Яо Мингом, который, надо отдать ему должное, действительно хорошо играл.

культура: Тем удивительнее, что при всей открытости НБА твердо стоит на страже интересов своих тренеров и не допускает иностранцев к ключевым постам в командах. Даже знаменитый итальянец Этторе Мессина, дважды приводивший ЦСКА к победе в Евролиге, в Америке находится на подхвате и на место главного даже не претендует.

Тараканов: Протекционизм существует не только в Штатах, но и во многих европейских странах. Пришлым людям там никто карт-бланша не дает. К сожалению, в нашем чемпионате ситуация другая. В России слишком верят в иностранный тренерский гений. Руководители клубов считают, что «варяги» лучше знают, как подготовить коллектив, хотя порой это не так. Уверен, что своих надо поддерживать, создавать условия для роста, больше доверять.

культура: Флагману отечественного баскетбола ЦСКА в мае предстоит сразиться за главный клубный трофей континента. Как расцениваете шансы армейцев в борьбе за победу в Евролиге?

Тараканов: Конечно, ЦСКА — один из главных фаворитов турнира, но это не гарантирует нашему клубу первое место. На протяжении нескольких лет в команде существует проблема доминирующего центрового. НБА «подметает» всех, кто хотя бы немного выделяется. К тому же есть неприятности со здоровьем у Кайла Хайнса, его мощь и умение бороться под кольцом очень важны для команды. Без него, даже с учетом наличия звезд на других позициях, приходится трудно. Формат «Финала четырех» сложный. От одной игры зависит очень многое. Осечки невозможны. Поэтому не могу сказать, что москвичи точно победят. Но в то же время взять трофей им вполне по силам.

По датскому счету

В Копенгагене и Хернинге 4 мая стартует чемпионат мира по хоккею. Наши игроки отправятся в Данию в ранге действующих олимпийских чемпионов. Первый соперник на турнире — сборная Франции.

Спустя три месяца после долгожданной победы на Олимпиаде российской дружине снова предстоит испытание. На первенстве планеты каждая сборная будет предельно мотивирована в поединке с триумфаторами Игр-2018.

В Дании болельщики увидят некоторых чемпионов Пхенчхана. Основное изменение произошло на тренерском мостике. Олег Знарок, выигравший в главе национальной команды все возможные титулы, решил уйти победителем. Его преемником стал 43-летний Илья Воробьев, который представлен публике в качестве исполняющего обязанности главного тренера. Выбор ФХР вполне объясним. На протяжении двух лет молодой специалист входил в штаб Знарка в сборной и хорошо знаком с методиками работы, приме-

няемыми в команде. Поэтому новый рулевой вряд ли резко поменяет курс. Кроме того, Воробьев уже познал вкус большой победы на клубном уровне. В 2016 году он приводил магнитогорский «Металлург» к победе в Кубке Гагарина. Впрочем, работа в национальной команде подразумевает более высокую степень ответственности. Первый блин для нового наставника вышел комом. На чешском этапе Евротура россияне впервые в истории турнира уступили во всех трех матчах, пуская и с разницей в одну шайбу.

— Знарок и Воробьев формировались как хоккеисты и тренеры под началом отца Ильи — Петра Воробьева, у которого Олег играл в рижском «Динамо», а Воробьев-младший начинал карьеру в качестве помощника в «Локомотиве», — рассказал заслуженный тренер РФ Рафаил Ишматов. — У них схожие взгляды на хоккей. И неудивительно, что долго отработали вместе в сборной. Поэтому можно ожидать сохранения преемственности стиля игры, но многое будет зависеть от подбора исполнителей.

Определенные выводы из неудачи на соревнованиях в Чехии сделать можно, но заикаться о них не стоит. Сборная ведет планомерную подготовку к чемпионату мира. К тому же состав команды еще претерпит серьезные изменения. В первую очередь за счет легионеров из НХЛ. На сборе в Новогорске с командой будут тренироваться Евгений Дадоров, Александр Радулов и Владислав Наместников. Это серьезное усиление обороне призваны компенсировать Никита Задоров и Иван Проворов. Последний считается сильнейшим российским защитником в заокеанской лиге. Иван лидирует по многим показателям в «Филадельфии» и входит в число самых результативных защитников НХЛ. В свою очередь Задоров провел отличный сезон в «Колорадо» и побил рекорд Александра Овечкина по числу проведенных силовых приемов за один сезон.

Прибудут в расположение национальной команды и финалисты Кубка Гагарина. В Новогорск вызваны сразу 14 хоккеистов. Стоит напомнить, что в решающей серии сошлись казанский «Ак Барс» и московский ЦСКА. В жестком противостоянии ударная мощь армейского клуба наткнулась на непогрешимую стратегию Зинэтулы Билялетдинова. «Барсы» победили в серии со счетом 4:1. Для знаменитого Билла — это третий успех в Кубке. А если вспомнить две победы в чемпионате России, то из ныне действующих тренеров Билялетдинов — вне конкуренции.

Наша сборная к чемпионату подойдет в оптимальном составе: в команде будут хоккеисты, прошедшие и баталии Пхенчхана, и национальное первенство, игравшие в клубах, которые исповедуют разную тактику. Илья Воробьеву останется использовать все сильные стороны каждого.

Полосу подготовил Дмитрий ЕФАНОВ

Дон Эйри:

«Для Deep Purple каждый концерт в России — настоящее событие»

Денис БОЧАРОВ

Мало кто из рокеров может похвастаться столь внушительным послужным списком, которым располагает нынешний клавишник Deep Purple Дон Эйри. Он работал вместе с Оззи Осборном, Гэри Муром, Брайаном Мэйем, Кози Пауэллом, группами Rainbow, Whitesnake, Judas Priest, Jethro Tull, UFO и многими другими грандами.

Одно время его называли «главным рок-сессиянчиком». Однако в последние полтора десятилетия основное место работы музыканта — за органной стойкой «темно-лиловых». Впрочем, это не мешает ему порой записывать сольные альбомы: так, в мае увидит свет свежая пластинка, получившая название «One of a Kind». Дон Эйри — на связи с «Культурой».

ром иностранных дел. Кстати, учитывая сегодняшнюю «турбулентную» политическую обстановку в мире, это было бы неплохо.

О его потрясающем музыкальном даровании говорить и вовсе излишне. Однако, вливаясь в ряды Deep Purple, я не ставил перед собой задачи «бить Джоном Лордом». Стараясь сохранить те интонации и «фишки», коими напитана музыка коллектива (поскольку орган «Хэммонд» всегда занимал в звучании группы особое место), я все же надеялся остаться самим собой. Думаю, мне это удастся.

культура: Расскажите о новом альбоме. Почему Вы решили выпустить его именно сейчас, в период, когда группа отмечает полувек юбилей? Насколько своевременно это решение?

Эйри: Признаться, я об этом не задумывался. Просто накопилось несколько новых композиций, запись которых, что называется, назрела. Откровенно говоря, я до поры до времени не собирался выпускать этот материал — музыка решила сама за себя. Это мой сайд-проект, которому по возможности уделяю время, когда не занят с Deep Purple. Не отношусь к нему уж очень серьезно, скорее, рассуждаю так: «Неси флаг над головой и смотри, кто будет салютовать». Надеюсь, кому-то моя свежая работа покажется интересной.

Пластинка записана в классическом роковом ключе и представляет собой десять песен плюс один инструментал. Там есть несколько «прогрессивных» элементов, но прог-роком в полном смысле этого понятия фонограмму рассматривать едва ли следует. Песни написаны в соавторстве с Карлом Сентансом, который с недавних пор является вокалистом Nazareth. Поэтому те из моего окружения, кто уже успел услышать запись, па-

мятуют о моем сотрудничестве с Rainbow в конце 70-х, охарактеризовали альбом как «помесь Rainbow и Nazareth». Возможно, это правильное описание (улыбается). **культура:** Пару лет назад Deep Purple были введены в Зал славы рок-н-ролла — событие, на которое подавляющее большинство поклонников отреагировало примерно так: «Ну наконец-то!» А что данное мероприятие означало лично для Вас? Иэн Пейс и Роджер Гловер (барабанщик и бас-гитарист DP соответственно. — «Культура») восприняли это со смешанным чувством иронии и снисходительности: мол, приятно, конечно, но мир с тех пор не перевернулся. **Эйри:** Они имеют полное право так рассуждать, поскольку провели в группе несколько десятилетий, а Пейс и вовсе был там с самого начала. Со мной другая история, ведь я, в отличие от моих коллег, в Зал славы включен не был — видимо, молод еще (смеется). Однако никаких сожалений по этому поводу у меня нет. Напротив, я очень горд быть частью команды, дождавшейся прижизненного признания своих заслуг на столь заметном уровне. Думаю, фэнам это было в особенности приятно.

С другой стороны, когда ты работаешь в рок-коллективе, который не почитает на лаврах, а ведет интенсивную творческую деятельность (постоянные гастроли, запись в студии, сочинение нового материала), тебе некогда задумываться о юбилейных датах и торжественных церемониях. Насколько успешным будет сегодняшний концерт, когда саундчек, как правильно выстроить баланс между инструментами с учетом конкретной площадки — вот вопросы, имеющие повседневное и потому первостепенное значение.

культура: Визиты Deep Purple в нашу страну в последние годы стали доброй традицией. Очередной, приуроченный к 50-летию годовщине московский сет тоже не за горами. Чего ждете от предстоящего выступления?

Эйри: В России всегда приятно играть. Спорткомплекс «Олимпийский», в котором мы, как правило, выступаем, постоянно радуется внушительной аудиторией. Это вдвойне приятно, учитывая то обстоятельство, что концерты группы, как вы верно отметили, давно уже не являются для российских поклонников новостью.

Для нас каждое посещение вашей страны — настоящее событие. Мне же лично, как клавишнику, особенно почетно играть в стране, которая является родиной многих выдающихся, всемирно известных пианистов.

культура: Политика и искусство совместимы? Или им лучше держаться друг от друга подальше?

Эйри: Как бы ни хотелось, это вряд ли возможно. Даже в период холодной войны в Великобритании и Соединенные Штаты регулярно приезжала балетная труппа Большого театра. Восторженный прием, оказываемый российским артистам, красноречивее любых громких политических заявлений демонстрировал элементарную истину: люди во всем мире одинаковы. Думаю, искусство сыграло не последнюю роль в том, что напряжение было в итоге снято. К сожалению, сегодня взаимоотношения между некоторыми державами опять оставляют желать лучшего. Но, я надеюсь, культура вновь выполнит миротворческую миссию.

культура: Как человек, поработавший с огромным количеством знаменитых музыкантов и, значит, обладающий колоссальным опытом, верите ли Вы в будущее рок-н-ролла? Или его, простите за каламбур, песенка спета?

Эйри: Его пытаются похоронить не первое десятилетие. Тот же Оззи давно уже сказал, что музыка мертва, новых достойных мелодий не появляется, в лучшем случае мы имеем дело с перепетыми в сотый раз мотивами и набившими оскомину аранжировками. Но, вы знаете, я подобного скептицизма не разделяю. Постоянно появляются симпатичные записи. Из самых последних моих впечатлений — альбомы групп Papa Roach и Greta Van Fleet. Так что не спешите хоронить рок-музыку, всегда будут артисты, у которых все на месте: хорошие песни, умение играть и петь, качественные записи. **культура:** Вышедший в прошлом году альбом Deep Purple «Infinite» средствами массовой информации подавался как последний. Так ли это на самом деле?

Эйри: Когда только закончили работу над упомянутой вами пластинкой, мы в самом деле, не сговариваясь, подумали, не пора ли ставить точку. Но дело в том, что в случае с Deep Purple никогда ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов. От нас всегда стоит ждать сюрпризов, и, возможно, мы вас еще удивим.

40 ЛЕТ НАЗАД, в конце апреля — начале мая 1978-го, представительная делегация советских писателей посетила США. Это был ответный визит — до того в СССР побывали американские литераторы. А несколькими годами ранее успели сдружиться генсек ЦК КПСС Леонид Брежнев и 38-й президент США Джеральд Форд. Лидеры встретились в 1974-м во Владивостоке, а в 1975-м подписали Хельсинкские соглашения. В 1977-м на смену Форду пришел Джими Картер. Поначалу и он придерживался прежней внешней политики, поэтому перелеты через океан представителей двух глобальных систем при нем некоторое время были в порядке вещей.

Весной 1978-го в Америке побывали Валентин Катаев, Сергей Залыгин, Григорий Бакланов, Миколас Служцкис, Нодар Думбадзе. Имена «с той стороны» не менее известны — Курт Воннегут, Эдвард Олби, Джон Андайк...

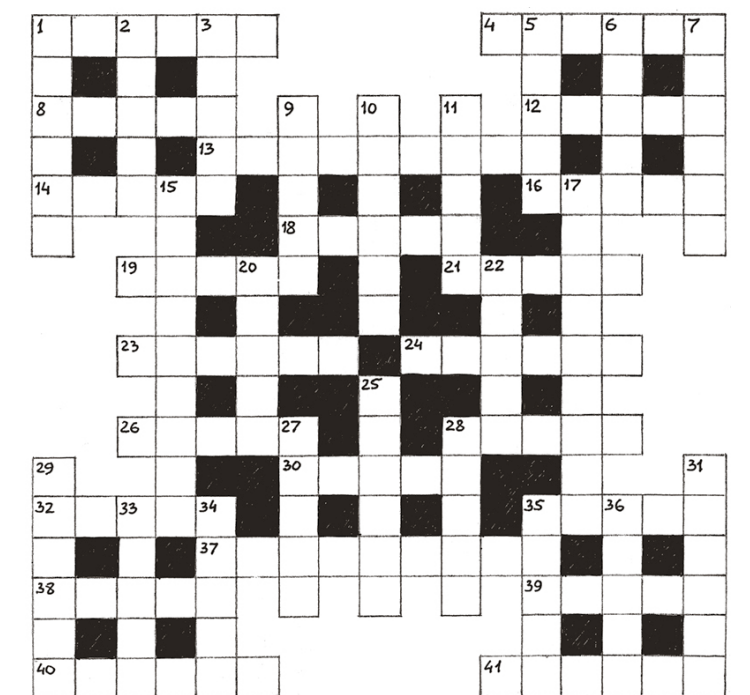
Наши инженеры человеческих душ вели себя подчеркнуто независимо. Время от времени возникали, по выражению Сергея Залыгина, «скандальчики»: «Первый — в Нью-Йорке на очередном заседании симпозиума американских и советских писателей. Артур Миллер что-то сказал о свободе слова в Советском Союзе, а Федоренко (руководитель делегации, главред журнала «Иностранная литература». — «Культура») на него поднялся чуть ли не с последними словами и все твердил:

— У нас в бригаде Катаев, Бакланов, Думбадзе, Залыгин, а ты, Миллер, такой-рассякой Артур, позволяешь себе говорить такие вещи? Да какой же ты после этого президент Пен-клуба? Тебя завтра же надо выгнать поганой метлой!

И назавтра, — продолжает Залыгин, — меня «выпустили», и я сказал, что тираж моих книг — 12 миллионов экземпляров, а у Катаева так и за двадцать... А у Миллера — сколько?

Больше ничего у меня не нашлось сказать Миллеру. А вообще-то встречи наши с американскими писателями и в СССР, и в Америке были очень интересными...

Сергей ГРОМОВ

По горизонтали: 1. Немецкая писательница, лауреат Сталинской премии («Свет на эшафоте»). 4. Живописец, народный художник СССР. 8. Французский композитор-авангардист. 12. Мьельнри как вид оружия. 13. Российский кинорежиссер («Все умрут, а я останусь»). 14. Незадачливый воин. 16. Библейский персонаж — грубый, своенравный человек. 18. Русский композитор, автор оперы «Добрыня Никитич». 19. Итальянский оперный певец (баритон). 21. Американский композитор, обладатель премии «Эмми». 23. Драма А. Пенна с М. Брандо в главной роли. 24. Роль А. Вертинского в фильме «Юрод». 26. Цвет оперения. 28. Резное украшение из камня. 30. Главный христианский праздник. 32. Вид монументального искусства. 35. Французский живописец, придворный художник польских королей. 37. Советский кинорежиссер («Тихий Дон»). 38. Физик, нобелевский лауреат, изобретатель голографии. 39. Венгерский писатель и драматург («Карпатская рапсодия»). 40. Неаккуратный человек. 41. Гильза артиллерийского снаряда. **По вертикали:** 1. Персонаж русских былин. 2. Литературно-художественное объединение русского авангарда. 3. Воспитательный прут. 5. Немецкий философ, идеолог литературного движения «Буря и натиск». 6. Российский художник, мастер портрета. 7. Фильм Р. Джоффе о знаменитом французском кулинару. 9. Предмет верхней одежды. 10. Герой романа А. Грина «Бегущая по волнам». 11. Город в Алтайском крае. 15. Русский теоретик анархизма. 17. Российская актриса театра и кино («Сваты», «Таксистка»). 20. Французский кинорежиссер («Картуш», «Великолепный»). 22. Музыкально-театральное произведение. 25. Музыкант, член вокально-инструментального ансамбля. 27. Американская поп-певица. 28. Полоса по краю ткани. 29. Подражатель идеям своих предшественников. 31. Птица, подстреленная князем Гвидоном. 33. Ассорти. 34. Недостаток в работе. 35. Российский композитор-песенник и пианистка. 36. Персонаж А. Папанова в фильме «Бриллиантовая рука».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 13
По горизонтали: 1. Кабанель. 5. Бригелла. 10. Рыжик. 11. Финик. 13. Нырок. 14. Соколов. 15. Анероид. 16. Разин. 17. Ливенс. 20. Осюкин. 22. Антракт. 25. Саиб. 26. Ротт. 28. Залпята. 31. Анитра. 33. Джеймс. 35. Грент. 37. Лазейка. 39. Уилстер. 41. Число. 42. Панин. 43. Орлан. 44. Вельтман. 45. Арготизм.
По вертикали: 1. «Карусель». 2. Божок. 3. Никулин. 4. Лефевр. 6. Рикман. 7. Гиннесс. 8. Ларго. 9. Аркадина. 12. Надзор. 18. Вески. 19. Сабза. 20. Отряд. 21. Китай. 23. Топ. 24. Акт. 27. Башлачев. 29. Ярушин. 30. Астроном. 32. Реймонд. 34. Жостово. 35. Гаспра. 36. Турнир. 38. Засол. 40. «Лолли».

ВСЕРОССИЙСКАЯ ДЕКАДА ПОДПИСКИ

С 10 по 20 мая 2018 года ФГУП «Почта России» проводит Всероссийскую декаду подписки на II полугодие 2018 года во всех почтовых отделениях Российской Федерации.

Только в этот период можно подписаться на газету «Культура» на II полугодие 2018 года по льготной цене:

- скидку в размере 20% от каталожной цены предоставляет Редакция;
- скидку в размере 10% на почтовые услуги предоставляет «Почта России»;
- кроме этого, дополнительную скидку на почтовые услуги газета «Культура» получает как социально значимое издание.

Приглашаем всех оформить подписку на льготных условиях (*)
 (*) информацию о подписных ценах для Вашего региона можно получить у сотрудников почты

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ НА ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ ДЕКАДЫ ПОДПИСКИ В КАТАЛОГАХ:

П2043 на 6 месяцев **50126 на 6 месяцев**

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ МОСКВЫ

Подписка с получением газеты в редакции (без доставки на дом) по цене 50 рублей за 1 месяц. Оплатить подписку необходимо через банк, квитанция на оплату находится по адресу: ул. Новослободская, дом 73, стр. 1.
 Телефон отдела подписки: +7 (495) 662 72 22

30 АПРЕЛЬ

МОСКОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ ИМЕНИ ПИИ. ЧАЙКОВСКОГО

МАЛЫЙ ЗАЛ

Абонемент №25

ПИАНИСТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

Цикл II

Алексей ЛЮБИМОВ

фр. пианист

А. РЕЙНОВИЧ-БАРАКОВСКИЙ
Музыкальный редактор, сопрано

А. КЕРРАН
дир. Сибирь, Российский премьер

Ф. ШОПЕН
человек, который был

НИЖАЯ ДАТА: 495 622-9101 | АДРЕС: НИЖАЯ ДАТА, 12 | ПРОИЗВОДИТЕЛЬ: 495 695-695-695-695-695
 ВИДЕТЬ В НАС КАК МЫ: 1 | ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА: WWW.MOSCOWCONSERVATORY.RU

6+

Уважаемые читатели!
 Следующий номер нашей газеты выйдет 11 мая 2018 года